

От ненависти *До любви*

**ДАРЬЯ
КОЖЕВНИКОВА**

ИСПОВЕДЬ ЦИРЦЕИ

Дарья Сергеевна Кожевникова

Исповедь Цирцеи

Серия «От ненависти до любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22785312
Исповедь Цирцеи/ Дарья Кожевникова: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-98643-9

Аннотация

Для всех она – повар в кафе. И никто не знает: два раза в месяц Айка перевоплощается в Цирцею – безжалостную гладиаторшу, выходящую на ринг в подпольных боях с собаками. До сих пор ей и другим девушкам удавалось отделаться незначительными травмами, но в тот вечер мирный пес, обычно не доставлявший никаких проблем, вдруг словно взбесился и сильно поранил Аллу, подругу Айки. Вскоре она узнала, что Алла умерла... Айка бы ничего не заподозрила, если бы не стала свидетельницей отвратительной сцены: перед выступлением один из завсегдатаев клуба настойчиво домогался Аллы, но та ему отказала. А потом Айка нашла в мусорном ведре шприц с подозрительным содержимым... Несмотря на грозящую ей смертельную опасность, девушка решила покарать убийцу подруги. Ее помощником неожиданно стал Гена, один из охранников клуба, готовый ради Айки пойти наперекор хозяину нелегального ринга...

Дарья Кожевникова

Исповедь Цирцеи

1

Они ругались яростно, чуть не до драки, Аглая слышала это из своего уголка раздевалки, разделенной на отдельные комнатухи тонкими перегородками. Причину скандала искать не требовалось – много месяцев этот толстый перезревший «герой» Борис домогался ее подруги. То посулами, то деньгами, то подарками настойчиво пытался добиться своего. Но не на ту напал! Во-первых, Алка любила совсем другого, во-вторых, Борис словно специально собрал в себе все, что Алка как раз в мужиках на дух не переносила. А в-третьих... В-третьих, девушки с характером не любят, когда их пытаются подмять под себя. А Алка как раз была с характером – другие не выходят на ринг. Вообще ни на какой, а уж на их – тем более. Вот только с характером или без, а не стоило Алле заводиться перед самым выходом. Сейчас ведь будет ее очередь, ее бой. И не заменишь, не предложишь выйти вместо нее: жадная до зрелищ толпа ждет именно Алку, а самое главное – ставки уже делаются. Единственное, что еще можно предпринять, – это перехватить ее на пути к рингу и сказать пару слов в поддержку. Тут Борис дал Аглае шанс –

наконец-то ушел, в гневе хлопнув дверью Аллочкиной раздевалки. Аглая сразу же проскользнула за едва не расщепившуюся от удара хлипкую дверь. Алла сидела за туалетным столиком, припудривая лицо: уходили они с ринга далеко не в лучшем виде, но вот выйти должны во всем блеске и красе. Резко оглянулась на звук, но, увидев Аглаю, кивнула ей и вернулась к своему занятию.

– Алка! – Аглая подсела к ней. – Я все слышала. Давай сосчитаем вместе до десяти, и ты успокоишься! Идет?

– Айка! – Алла улыбнулась подруге. Улыбка получилась сухой, но, учитывая предстоящий бой, это было неудивительно. – Я спокойна, как танк! Это жирный боров бесится, причем еще со вчерашнего дня! Потому что я вчера его послала так далеко, что ему и на машине не доехать. Еще и по роже треснула. И его это так взбесило, что он даже пластинку сегодня сменил: пришел не как обычно скрипеть о том, от каких благ я отказываюсь, не соглашаясь с ним переспать, а явился требовать от меня извинений. Он! От меня! – Алла хохотнула.

– А может, не стоило его заводить? – нахмурилась более осторожная Аглая.

– Ну ты-то ему не подпевай! – беспечно отмахнулась Алла. – Он и так меня сегодня до того дозапугивал, что даже сам, наверное, устал, родимый!

– Он тебе угрожал!

– Естественно! А кто из мужиков не угрожал бы на его

месте? Мол, я крупно пожалею и все такое. Знаю я это, все уже проходили не раз.

Аглая не нашла, что ответить. Она лишь взяла завершившую свой макияж Аллу за руку и держала, все никак не решаясь ее отпустить. Вскоре в зале раздался многоголосый шум: это объявили Аллин выход.

– Я провожу тебя до занавеса. – Аглая поднялась вместе с ней. Тревога никак не отпускала ее, заставляя сжимать руку подруги – лучшей подруги! – все то недолгое время, что они вместе шли по коридору.

– Ну все, Айка! – Оказавшись у занавеса, Алла поцеловала ее в щеку и высвободила руку. – Встретимся после. Я тебя подожду, опрокинем в баре по стаканчику! Не дрейфь! – и скрылась за тяжелой синей портьерой.

Аглая прошла мимо занавеса с тыльной стороны и выглянула в щель между ним и стеной. Алла как раз вышла на ринг под звучные аккорды рока и, залитая светом софитов, вскинула защищенные широкими кожаными браслетами руки, приветствуя своих поклонников. Стройная, как гепард, в облегающем раздельном купальнике из черной кожи – униформе всех «гладиаторш» этого подпольного тотализатора. Немногочисленная (очень немногие могли позволить себе столь изысканное развлечение!) толпа взревела с удвоенной силой, почти заглушая ревущие из динамиков гитару и барабан. А потом и толпа, и музыка стихли, и Аглая услышала только сопение и царапанье когтей по полу. Потом топот,

когда собаку отпустили. Сегодня Алле предстояло сразиться с Аресом, здоровенным ротвейлером. Собака против безоружной девушки – это и было развлечение, на которое пришли посмотреть, заодно сделав ставки, весьма состоятельные мужики и даже несколько женщин. Впрочем, женщинами их можно назвать с трудом, подумала Аглая, скользнув по ним беглым взглядом. Хищные зажавшиеся твари – вот более подходящее определение. А кто с ним не согласен, пусть подойдет к зеркалу и взглянет на себя в тот миг, когда собака совершает прыжок.

Первая атака Ареса прошла впустую, Алла легко увернулась от зубов пса, на миг соприкоснувшись с ним боком. Арес, весящий куда больше выходящих против него на ринг девушек, был намного неповоротливее их. И, как знала Аглая, довольно быстро выдыхался из-за своей большой массы. Так что если Алка хочет показать красивый бой, ей не стоит слишком изматывать пса, раз за разом продолжая от него уклоняться. После нескольких холостых бросков (прямо как на корриде!), когда белоснежные клыки вхолостую шелкнут в каких-то миллиметрах от тела девушки, пес сбавит обороты, и тогда с ним можно будет вступить в рукопашную.

Арес снова атаковал. В тишине зала, нарушаемой лишь его сопением, было отчетливо слышно, как сомкнулись его мощные челюсти, опять лишь на волосок от успевшей красиво увернуться Аллы. Грациозность девушки и ее хладнокровие были вознаграждены аплодисментами публики, востор-

женным свистом и улюлюканьем. Тем временем снова промахнувшийся Арес скребнул когтями по полу, разворачиваясь у края ограды, совсем недалеко от занавеса. И притаившаяся за этим занавесом Аглая вдруг услышала kloкочущий в его горле рык. Это не на шутку ее встревожило: обычно Арес не рычал. Он был не из тех, кто атаковал человека по лютой злобе. Конечно, заражался азартом, но преимущественно «шел на рукав» по приказу хозяина. Да и вообще ему должно быть уже не до этого. Обычно пес и дышать начинал тяжело после такого активного бега: ротвейлеры – не доберманы и не терьеры, энергия не бьет из них ключом, а у этого и возраст уже не юный, ему шестой год. Но сейчас спада двигательной активности у Ареса что-то не заметно. Торможение, резкий разворот – и Аглая увидела энергично напрягшуюся мускулистую спину пса, готового к очередному активному броску. И при этом злобный рокот в его горле не утихал! Аглая вскинула глаза на подругу. Алла, похоже, не заметила ничего подозрительного. А стоило бы! С псом что-то не так! Что делать?! Крикнуть? Предупредить? Но правилами это строгойше запрещено. Да и успеет ли Алла понять? Или только отвлечется? А Арес уже несется на подругу во всю невесть откуда взявшуюся прыть.

«Уклонись!» – мысленно взмолилась Аглая.

Но Алла решила, что пора уже принять бой, ведь не за кружение по арене ей деньги платят. Встала в стойку, чтобы противостоять силе и весу атакующей собаки, вскину-

ла руку, защищенную широким кожаным браслетом, предлагая псу вцепиться в нее. Бой считался законченным, когда один из противников оказывался надежно поверженным на пол. Победителем оказывался, естественно, тот, кто оставался сверху. И Аглае был знаком Аллин маневр с поворотом, падением и кувырком на полу, когда все поставившие на нее ахали, уже считая поражение неминуемым. Но Алла изворачивалась, высвобождала руку из собачьей хватки и снова эффектно вскакивала на ноги, отделавшись лишь синяками на руке да широкими багровыми полосами на теле от собачьих когтей. Несомненно, это она хотела проделать и сейчас, ведь щекотать нервы публике было ее работой. Но Арес, обычно тоже исправно выполняющий свою часть работы, на этот раз вдруг проигнорировал выставленную руку, с удвоенной силой яростно рванулся вперед, целясь схватить противницу за горло. Тупые, но очень жесткие собачьи когти прочертили грудь над кожаным лифчиком связкой мгновенно побагровевших полос, массивное тело прыгнувшего с несвойственным ему рвением пса ударило в Аллу всем своим весом. Вот теперь и она заметила неладное! Алла попыталась извернуться, сохранить равновесие, устоять на ногах. Но Арес, не достав до ее горла, успел вцепиться ей в плечо. Завис, взвившись на задние лапы. Алла хотела ударить его основанием ладони под челюсть, но в этот момент он рванул ее на себя. С его весом и силой ему это удалось играючи. Два-три нелепых неуклюжих шажка, и Алла все-таки упала,

почти скрывшись под массивным телом огромного пса, в запале продолжающего удерживать добычу и при этом с рычанием мотать головой. Аглая никогда не видела, чтобы Арес вкладывал в свои действия столько пыла! Обычно это было прерогативой более энергичных пород собак. Но те и весили куда меньше... Упавшая Алла тем временем извернулась и, не делая даже попытки подняться, подсекла своими ногами упирающиеся в пол лапы пса.

«Держись, Алка!» – еще пуще прежнего взмолилась Аглая. Сдаться, прекратить сопротивление в такой момент означало если не верную смерть, то тяжелое увечье. Нельзя давать воли разбушевавшемуся псу, надо, невзирая на боль, бороться с ним до последнего! Или хотя бы до того момента, когда организаторы решат, что исход боя ясен, и оттащат собаку...

Подсеченный под лапы Арес пошатнулся, но рванул Аллу с удвоенной силой и как будто даже переключился с плеча на что-то другое. Аглая не видела подробностей: массивное тело пса почти полностью скрывало от нее упавшую подругу. Услышала лишь дурной крик хозяина собаки: «Арес!!! Фу!!!»

– Остановить бой! – одновременно с ним закричал арбитр.

Но Арес продолжал трепать Аллу, словно куклу. Сразу несколько человек, перескочив через ограждение, кинулись ей на помощь. Собаку оттаскивали за спешно накинутый

ошейник, за задние лапы. Хозяин продолжал орать команды дурным голосом. Но оторвать пса не могли. Несколько томительных секунд (или веков?!) Аглая потрясенно наблюдала за этой сценой. Потом Ареса все же удалось оттащить. С его морды капала кровавая пена, и он все рвался к Алле. Не достав до нее, вцепился в кого-то из окруживших его мужчин. Снова крик, удары, которых собака, казалось, даже не замечает. И только подбежавший от дверей охранник с электрошокером сумел, наконец, утихомирить обезумевшего пса. А Аллу подняли и понесли с ринга. Аглая видела напряженную спину несущего ее охранника, из-за которой виднелась безвольно свисающая рука Аллы со стекающей из-под кожаного браслета алой струйкой. Преодолев сковавшее ее оцепенение, Аглая кинулась в раздевалку подруги. Она надеялась, что ничего серьезного не произошло и Алла просто потеряла сознание от боли и упадка сил – это только со стороны казалось, что все легко и просто, на самом же деле бои с собаками выматывали буквально за считанные секунды так, как никогда не вымотают даже многочисленные часы, проведенные в тренажерном зале.

– Стой! Ты куда?! – остановили Аглаю на полпути.

– К Алле! – Она подняла глаза на преградившего ей дорогу арбитра. – Что с ней?!

– Потом все узнаешь! – рявкнул он. – А сейчас быстро к себе! У тебя всего несколько минут.

– Как?! – опешила Аглая.

– Следующий выход твой, дура! – огорошил он ее. – Только сделаем ставки и ринг приберем! Или ты думаешь, что зрители разбегутся от вида пары капель крови? Они сюда за этим и пришли! Да еще и деньги за входные билеты отвалили! Так что вперед! Шоу маст гоу он!

Да, шоу должно продолжаться! Несмотря ни на что! Это Аглая поняла, когда вышла на ринг. Кого-то из публики нужно было отвлечь новым боем от мыслей о происшествии, а кто-то, только что получив заряд адреналина, жаждал новых острых ощущений! Аглаю встретили шумно. Очень шумно. Пожалуй, уважаемая публика не так шумела, услышав прозвучавшее из динамиков объявление о том, что предыдущая «гладиаторша» отделалась лишь незначительными телесными повреждениями.

Аглая вскинула руки, традиционно приветствуя ревуших зрителей. Значит, с Аллочкой все хорошо... Ну, слава богу! Может, в бар они сегодня и не пойдут, Аглая просто проводит Аллу до дома, уложит ее на диван и посидит рядом, но уж поговорить-то им вряд ли удастся... Тяжелое дыхание пока еще удерживаемого за ошейник пса заставило Аглаю думать о другом. Сегодня ее противником был Цепень, помесь стаффордса с доберманом. Пес не из тех, кто просто «идет на рукав», так что надо сконцентрироваться на предстоящем бое. Глубоко вдохнув, Аглая задержала дыхание, глядя на стремительно летящего к ней пса. Тот с подскоком сразу попытался уцепиться повыше ее выставленной руки. Аглая сде-

лала полуоборот, чтобы немного погасить энергию летящего на нее мускулистого, покрытого шерстью снаряда, изо всей силы толкнула его в бок рукой и плечом. Вхолостую щелкнув челюстями, пес приземлился на все четыре лапы. Аглая быстро развернулась: Цепня выматывать не было смысла, он сам кого хочешь вымотает. Главное, ни на мгновение не выпускать его из вида, этот реактивный снаряд с влажно сверкающим капканом зубов. Он, расчертив доски ринга когтями, уже летел к ней снова. Прыжок... Толчок... К счастью, этот пес весил всего килограммов двадцать пять – тридцать. Это можно выдержать, если избегать прямой атаки в прыжке... Но как быстр! Не успела Аглая завершить начатый разворот, как почувствовала, что Цепень свой уже завершил и, недолго думая, вцепился на этот раз в первое, что подвернулось: Аглае в ногу. Кожаные поножи, как и браслеты, защищали мышцы от прокусов, но не могли предохранить от сдавливающей силы собачьих челюстей. На голень Аглае как будто надели пресловутый средневековый «испанский сапог». Превозмогая боль, она резко опустилась на оба колена, принуждая пса неловко вывернуть голову, и лишь мгновением позже, не оставив Цепню времени на то, чтобы среагировать, перекатилась прямо через него, высвобождаясь из захвата. И, пока он еще не опомнился от такой подлости, изловчилась схватить его за задние лапы. Он извернулся, почти дотянувшись зубами до одной ее руки. В который раз порадовавшись легкости своего сегодняшнего про-

тивника, Аглая молниеносно подалась назад и дернула его, принуждая разогнуться и снова оказаться к ней задом. Возмущенно взревев, Цепень тут же попытался проделать тот же трюк теперь с другой стороны. Но Аглая уже ждала этого и дернула в противоположную сторону, снова подтянув его за лапы. Быстрым рывком приподнялась с пола, едва чувствуя онемевшую от укуса ногу, и, не теряя ни мгновения, навалилась на Цепня, подминая его под себя. Отпустила лапы, тут же схватившись за кожу по обе стороны собачьей шеи. По одной руке Цепень все-таки успел полоснуть Аглаю зубами, но не ухватил. Как тупым ножом резанул, раздавливая сосуды. Рука запульсировала, наливаясь огромным синяком, но Аглая привычно заставила себя отключиться от этой боли, чтобы не испытать гораздо более сильную. Не давая Цепню шансов вцепиться в нее, перехватила его за кожу покрепче и прижала пса своим телом к полу. Мускулистый и сильный Цепень, расценивший это как оскорбление, с рыком забился под Аглаей, отчаянно пытаясь высвободиться и до крови ломая ей ногти. Задом наперед извивался змеей, упираясь задними лапами. Продолжая удерживать его за складки кожи и наваливаясь сверху, Аглая, как могла, блокировала его бесхвостый зад своим коленом, изо всех сил прижала, отрезая пути к отступлению. А сама болталась на нем, как всадник на норовистом мустанге. Пес и не думал сдаваться, бился до последнего. Теперь у Аглаи онемела не только укушенная нога, но и все остальные конечности: силы были

на исходе. Да и у Цепня вывалился язык, хоть он и продолжал возмущенно рычать. Силы в таком бою выплескивались, как вода из прорвавшейся плотины: все и сразу. Если что и оставалось по прошествии нескольких минут, то лишь чуть-чуть, на доньшке... А то и вовсе ничего! Но арбитр уже отсчитывал секунды, заставляя Аглаю с надеждой прислушиваться к его словам и сжимать дрожащие руки из последних сил. Пес бился и извивался под ней, грозя выскользнуть в любое мгновение. Три... Два... Один... И подоспевший хозяин наконец-то принял пса! Утащил его, все еще выказывающего свое недовольство и рвущегося назад, ухватив поперек груди и под мышки. Аглае пришлось подниматься самой. Обычно девушкам помогал дежуривший у ринга охранник, но сейчас, похоже, все сотрудники собрались возле Аллы. Все, кроме арбитра, который не догадался Аглае помочь. Едва ощущая ставшие ватными ноги, Аглая дважды пыталась подняться, но они предательски подгибались. Толпа зрителей с жадным любопытством наблюдала за ее попытками, похоже, гадая, уйдет она на своих двоих или будет выбираться ползком. Но она не доставила им такого удовольствия, с третьего раза собрав все свои силы и встав на ноги. И, шатаясь, как пьяная, подволакивая укушенную ногу, всем назло покинула ринг в вертикальном положении.

За занавесом, придерживаясь за стену, Аглая устремилась мимо своей каморки-раздевалки к Аллочкиной. Сразу войти не смогла: народу в тесную каморку, способную вместить

максимум троих, набилось на этот раз много, а вход еще и перекрывала широкая спина одного из охранников.

– Гена! – У Аглаи не было сил говорить, и она просто поскребла эту широкую спину, принуждая охранника развернуться. – Пусти меня! Как она там?

– Айка... тебя здесь только не хватало! – Он, похоже, растерялся. И Аглая успела проскользнуть в образовавшуюся между ним и дверным проемом щель. Попав внутрь, на чем-то поскользнулась, все еще непослушные ноги охотно подогнулись, со стуком ударившись коленями о пол. В просвете между суетящимися возле топчана мужчинами Аглая снова увидела свисающую Аллину руку и начала подниматься, чтобы подобраться к подруге поближе. Колени и предплечья оказались в крови, но Аглая даже не удивилась тому, что не почувствовала, как их разбила: обессилевшее тело теряло чувствительность, и нередко девушки после боя с собаками полученные повреждения обнаруживали лишь спустя несколько часов. А Аглае и вовсе было сейчас не до этого. Она выпрямилась, пытаясь понять, что же пара охранников под руководством самого шефа, управляющего их клубом, делают с ее подругой? А их штатный врач стоит рядом, хотя ему-то как раз и надо развивать наиболее активную деятельность.

– Что с ней? – Аглая подергала его за рукав. И он, как только что охранник Гена, будто растерялся, увидев ее.

– Ты как сюда попала?

– Ногами! – огрызнулась Аглая. – Вы скажете, наконец, что с Аллой?

Но врач лишь отвел глаза. Зато, услышав ее голос, к ней повернулся шеф. Лицо у него было перекошенное, и глаза словно ненормальные.

– Какого... ты ее впустил? – рявкнул он на несшего караул в дверях Геннадия.

– Да разве ее удержишь? – оправдался тот. – Еще и в собачьей слюне вся, скользкая...

Словно в подтверждение его слов, Аглая тут же ужом проскользнула мимо шефа, под руководством которого два охранника, Руслан и Эдик, как оказалось, облачали Аллочку в ее повседневную одежду, предварительно избавив от кожного «сценического костюма».

– Да вы что?! – возмутилась Аглая. – Ей нужно «Скорую» вызвать, а вы тут с тряпками возитесь! До них ли сейчас?! Мало ли почему она так оделась?! Никто не свяжет ее одежду с вашим рингом!

– Ты, самая умная, еще указывать мне будешь! – с внезапной яростью накинулся на нее шеф.

– Буду! – Аглая даже не дрогнула. – Она моя подруга!

– Бывшая! – Шеф резко оттолкнул ее назад к дверям, так что она снова чуть не упала, и скомандовал охраняющему их Геннадию: – Убери ее отсюда!

Гена ухватил Аглаю за руку, которую та тут же попыталась вырвать. Но сил у нее почти не было, а широкая лапа охран-

ника надежно держала ее за плечо.

– Пусти! – Аглая развернулась к нему лицом. Если она и была слабее его, то только не характером. – Вы что тут все, очумели? Тогда я вызову «Скорую» сама!

– Поздно, Айка! – В отличие от врача Гена не отвел глаза в сторону, и от его взгляда Аглае стало не по себе. – Да и не успели бы они в любом случае. Она умерла еще на пути от ринга. Арес ей сонную артерию разорвал.

– Как?! – Аглая отшатнулась от него, потом вырвалась и снова бросилась к лежащей на кушетке подруге. На этот раз приблизиться к ней Аглае удалось без труда: Эдик с Русланом под руководством шефа уже закончили свою работу и, полностью переодев мертвую девушку, расступились сами. Аглая схватила безвольно свисающую руку: – Алла! Аллочка!!! Ну что же ты?! Алка!!! Нет!!!

В истерике Аглая все продолжала трясти безвольное тело, пока шеф не решил, что пора положить этому конец.

– Отведи ее к себе, – скомандовал он Геннадии. – Ну, и налей ей там чего-нибудь покрепче. Только пока никуда не отпускай, мы с ней еще поговорить должны. После. А пока, – он кивнул двум другим охранникам на Аллочку, – несите-ка ее в машину. Только багажник вначале застелите. И побыстрее, а то мало ли кто надумает выйти из зала, а нам по эту сторону кулис зрители ни к чему. Да и она скоро коченеть начнет. Надо успеть до этого.

Руслан торопливо вышел выполнять распоряжение шефа

насчет покрывал, Эдик остался его ждать, а Геннадий крепко держал Аглаю, на сей раз, зная ее прыть, обеими руками. Но увести не смог. Руки у Аглаи после боя были все еще ватными, однако она ухитрилась так вцепиться ими в дверной косяк, что оторвать ее он не мог. Или Гена просто слишком деликатно пытался это сделать, понимая чувства девушки.

– Доктор! – Все еще не веря в происходящее, Аглая устремила к нему мокрые от слез глаза. – Ну разве ничего нельзя сделать?! Ну хоть что-нибудь!

Тот не отвечал и вовсе не смотрел на Аглаю.

– Пойдем, Айка! – Теряя терпение, Геннадий снова потянул ее в коридор. – Сказано же тебе: она умерла даже прежде, чем мы ее сюда донесли!

– Но ведь зрителям вы объявили, что все хорошо!

– А что, по-твоему, мы должны были им сказать? Господа, у нас крупные проблемы, не поможете ли нам спрятать труп?! – Гена все-таки отцепил Аглаю от косяка. – Идем отсюда! Ни ты, и никто другой ей уже не сможет помочь. Поэтому все, что осталось – это постараться избежать неприятностей, связанных с ее гибелью.

– То есть? – не поняла Аглая; происходящее казалось ей дурным сном.

– Надо срочно избавиться от тела, чтобы никто не смог связать мертвую девушку с нашим заведением, – предельно честно ответил Геннадий.

– И как вы это собираетесь сделать?!

– Отвезем ее на пустырь за Сиреневым парком. Там бродячие собаки сбиваются в стаи, случается, что нападают на прохожих. В случае чего, Аллочкину гибель тоже спишут на них.

Выслушав Геннадия, Аглая замерла. Застыла, покачиваясь от слабости.

– Идем отсюда, Айка! – Гена снова попытался ее увести, и снова безрезультатно.

– Абсурд! – тихо сказала она, отвечая не своим мыслям, а чувствам. – Полный абсурд!

– Это единственный выход, – решив, что она высказалась относительно их плана, сказал Геннадий.

Аглая не стала ему отвечать – потрясенная случившимся, она стояла, тупо таращась на руку подруги, свисающую с кушетки.

В каморку вернулся Руслан, кивнул Эдику:

– Все готово! Багажник я застелил, машину подогнал к самому выходу. Ты бери ее, а я пойду вперед, прослежу, чтобы нам никто по пути не встретился.

Чувствуя, что ее начинает трясти, Аглая молча наблюдала за тем, как сильные руки Эдика подхватили Аллочку. Красавицу и умницу! Такую мужчины и должны были носить на руках! Да только не в такой ситуации! Аглая подалась вслед за вышедшим Эдиком и едва не натолкнулась в коридоре на шефа.

– Ты еще здесь?! – рявкнул он.

– Я еду с вами! – заявила Аглая. – Хочу видеть, где и как вы ее выбросите!

– Тебя там только не хватало! – грубо оборвал ее шеф.

– Не хватало! – голос у Аглаи дрожал, но звучал решительно. – Вы, кажется, хотели со мной побеседовать по возвращении? Я догадываюсь о чем! Так вот, или берете меня сейчас с собой, или никакой беседы не будет! Это мое последнее слово!

– Слушай, ты... – вспыхнул шеф. – Да я тебя из шоу вышвырну, как котенка! А то и вовсе велю парням придушить, чтоб не мяукала!

Аглая в ответ оскалилась:

– Парни ваши на убийство не пойдут, вы им столько не платите! А что до меня, то я себе цену знаю. Точнее, таким, как я! Вышвырните, и у вас за день вместо шестерых останется всего четверо гладиаторш! Где замену искать будете? На бирже труда?

Шеф стиснул кулаки и грязно выругался. Он знал, что Аглая права. Потому мрачно и резко приказал Геннадию:

– Волоки ее к машине, нам некогда ждать, пока она туда сама доползет. И шмотки ее прихвати. Захочет переодеться – пусть в дороге это делает.

Гена, не возражая, слегка подтолкнул Аглаю по узкому глухому коридору к выходу, а сам заскочил в раздевалку, сгрэб в охапку все ее вещи, включая сумочку, и догнал, подставил свободное плечо:

– Айка, обопришь на меня, а то тебя все еще шатает.

Аглая приняла его помощь. Может быть, ее и не шатало бы, если б она, как обычно, после боя выпила крепкого горячего чая с сахаром, традиционно заваренного тем же Геной, да передохнула в спокойной обстановке. А так... Переставляя ноги, Аглая ощутила, как кожа на голенях и предплечьях начинает зудеть от высыхающей крови. Странно, уж такую-то кровотокающую рану она должна была бы почувствовать! Но не чувствовала ничего. Нигде не болело, не мешали отеки в месте разрыва мышцы. Была только кровь. И уже на полпути к выходу Аглая вдруг с ужасом поняла, что вся эта кровь, что высыхает сейчас на ней, становясь зудящей коркой – не ее! Аллочкина! Натекла на пол, когда Аглая упала при входе в ее раздевалку! От этого открытия Аглае стало еще тошнее, она буквально повисла у Гены на плече. Впрочем, они были уже у самого выхода, беспрепятственно пройдя весь длинный коридор с намеренно погашенным в нем светом. Но тут в коротком ответвлении раздался вдруг скрежет двери, ведущей к черному выходу из зрительного зала, Эдику с Русланом следовало бы ее запереть, но трудно было упрекнуть их в том, что в данной ситуации они забыли это сделать.

– Кто здесь?! – мало что видя в темноте, строго спросил остановившийся Гена.

– Свои, – Аглая узнала голос Бориса. – Покурить вышли.

– Так есть специально оборудованное помещение для го-

стей, – уже более мирно заметил Гена.

Действительно, такое было, так как в зале из-за собак не курили, и это правило строжайше соблюдалось, поскольку пара-тройка бойцовых псов принадлежала весьма не бедным и влиятельным жителям города. И если управляющего клубом кое-кто из посетителей еще мог в ответ на замечание послать куда подальше, то этих – нет. Многие «гости» и в самом деле предпочитали выбегать между боями на пару затяжек не в специальную курилку, а сюда, в этот тупичок. Только, вспомнилось вдруг Аглае, Борис же не курит! Вообще не переносит табачного дыма! И даже Дениса, свою верную и всегда готовую услужить ему тень, заставил отказаться от этой пагубной привычки! А тут вдруг...

Аглая не успела додумать свою мысль до конца. Гена открыл входную дверь и подтолкнул ее вперед. Дверь уже медленно закрывалась за их спинами, когда Аглая уловила летящее из коридора удивленно-тихое:

– Надо же, она еще ходит...

– Да, – согласился с Денисом Борис. – Но все равно, поделом ей. Может, теперь поумнеет.

Приняли ее в темноте за Аллочку, поняла Аглая. Да и вышли сюда не просто так – специально. Судя по репликам, позлорадствовать. Шумно вздохнув, Аглая сделала попытку развернуться, чтобы сказать остающемуся за дверью борову Борису пару неласковых слов, но Гена молча, твердой рукой пресек эту попытку. И последнее, что услышала Аг-

лая, прежде чем дверь окончательно закрылась, это как что-то ударило о стенку специально поставленного в коридоре мусорного ведра. Ударилось довольно звонко, так что окурком явно не являлось.

2

– Отвернитесь! – немного придя в себя, scomандовала Аглая сидящим с ней на заднем сиденье Руслану и Гене. Те беспрекословно выполнили это требование. Сидящему за рулем Эдику было вообще не до Аглаи, и только шеф демонстративно пялился на нее с переднего сиденья в зеркало заднего вида. Не из любопытства, а просто из желания досадить Аглае в ответ на ее недавнее поведение. На самом же деле мысли его блуждали где-то далеко, да и на что здесь было смотреть: Аглая натянула на себя джемпер поверх форменного кожаного бюстгальтера и уж потом сняла его. А под кожаными трусами были обычные, так что даже более озабоченному зрителю ее переодевание не доставило бы никакого удовольствия – все то же самое свободно можно увидеть на любом пляже. Переодевшись, Аглая натянула кроссовки на голые ноги, поврежденная рука плохо слушалась, отдаваясь болью на любое движение, и возиться с носками было слишком мучительно, особенно в едущей машине.

А машина, пронесаясь по городу, свернула к обнесенному ажурной решеткой Сиреневому парку, где и в самом де-

ле росло более тридцати видов сирени. Обогнув парк, Эдик съехал с кольцевой дороги на когда-то заасфальтированную, но давно избитую рытвинами аллею, по бокам которой печально доживали свой век старые тополя. Ехали долго – машина еле ползла на ухабах, а время как будто преобразилось в некую вязкую субстанцию и текло мучительно медленно, а при каждом толчке на рытвине у Аглаи в ушах гулко пульсировала кровь.

«Как она там? – подумала Аглая об Аллочке. – Ноги, наверное, затекли? Лежит, вся согнувшись, в этом багажнике...»

И тут же, словно бичом, хлестнула ответная мысль: не затекли! Потому что Аллочка ничего не чувствует. Потому что ее больше нет!

Аглая судорожно вздохнула. И в этот момент Эдик наконец-то остановил машину. Высветил фарами пустырь, поросший жесткой травой, из которой местами торчали обломки каких-то железобетонных конструкций, да кое-где возвышались островки держи-дерева. Спросил:

– Ну что, здесь?

– Давай здесь, – помедлив, кивнул шеф.

Мужчины вышли из машины, Аглая – за ними. Аллочку вытащили на покрывале из багажника. Хотели отнести ее подальше к кустам, но через несколько метров Руслан оступился на не видном в траве куске бетона, непроизвольно рванул покрывало из рук остальных, и тело, соскользнув, упало на

землю.

– Ты что, под ноги смотреть разучился?! – заорал на него Эдик. – Поднимаем!

– Не надо, – остановил его шеф. – Пусть так и останется. Правдоподобнее будет выглядеть, чем если бы мы ее положили. А так – упала при нападении собак. Вон, голова как раз...

Он не договорил, но мужчины поняли. Аглая же метнулась вперед, чтобы увидеть то, что видели они. Дыхание перехватило, когда она разглядела, что обломок бетона врезался Аллочке в висок. Как будто той все еще могло быть больно, Аглая хотела наклониться и помочь, но Гена удержал ее за плечо:

– Зря ты поехала, Айка. Зря. Не стоило.

– Я должна была это сделать, – выдавила из себя Аглая, пока шеф дрожащими руками пытался закурить. Руслан тут же к нему присоединился, и огонек его сигареты нервно запрыгал в темноте.

– Все, – выдал шеф после нескольких глубоких судорожных затяжек. – Уезжаем. Все равно больше ничего не можем сделать. Даже если бы и хотели...

Не оглядываясь, словно спешно покидая место преступления, сели в машину. Салон тотчас же наполнился табачным дымом.

– Айка, ты куришь? – Гена протянул Аглае пачку сигарет.

– Нет, – ответила она, вытаскивая из пачки одну. Неумело

прикурила от поданной зажигалки. Дым в себя вдохнуть не смогла, а просто набрала его в рот.

– Только продукты переводишь, – буркнул Руслан.

– Пусть. Тебе жалко, что ли? – вместо Аглаи ответил ему Гена.

– Айка, тебя где высадить? – вмешался шеф.

– На третьем перекрестке, у бара «Лагуна», – выпуская дым изо рта, ответила Аглая. Бар был недалеко от ее дома, а ей безумно хотелось выпить чего-нибудь покрепче до того, как она попадет домой. Еще до боя они собирались сделать то же самое вместе с Аллочкой... А теперь... Аглая судорожно вздохнула, и в носу тут же зашипало от дыма.

– Едем все обратно в клуб, – взглянув на нее в зеркало заднего вида, распорядился шеф. – Ребята тебя потом подкинут до дома.

– Я и сама дорогу знаю, – вяло огрызнулась Аглая.

– Не сомневаюсь, – в тон ей ответил шеф. – Только хочу быть уверен, что ты не влипнешь в какую-нибудь передрагу по пути. А кроме того, ты мне сегодня еще понадобишься.

– Зачем? – поинтересовалась Аглая, но шеф лишь устало отмахнулся. Она тоже слишком устала, чтобы спорить, и они при взаимном молчаливом недовольстве продолжили путь.

Когда подъехали к клубу, бои уже закончились. Судя по звукам, доносящимся из общего, а не «подпольного» зала, там всюю шел стриптиз. Вполне себе легальный, но тоже на «собачью» тему. Изощренный, дерзкий, красивый. Без вся-

ких избитых шестов, зато либо с креслом, либо с резной лавкой. Под эту музыку обычно танцевала медноволосая Жанна вместе с двумя своими красавцами доbermanами редкой окраски – рыжим и голубым. Впрочем, могла быть и Лизка с роскошной афганской борзой. Обе мастерски умели накалить толпу до того состояния, чтобы она выла и улюлюкала, забыв обо всем остальном. И немудрено: отлично натасканные собаки красиво срывали одежду со своих извивающихся в танце хозяек. Зрелище было еще то! Как говорил Руслан, младенцы бы завелись. Он был горячим поклонником Жанны. Пожалуй, слишком горячим. Но сейчас, даже не покосившись в сторону зала, мрачный и молчаливый Руслан вместе с остальными прошел в Аллочкину раздевалку. Мужчины дружно матюгнулись, наконец-то рассмотрев, на что похожа залитая кровью каморка.

– Ты, – выходя из ступора, шеф ткнул в Руслана, – проверь по раздевалкам, не осталось ли там кого. Если остались, выставляй всех на фиг, гони через центральный вход. А вы двое, – кивок Гене и Эдику, – за ведрами и тряпками. К утру, до прихода дуры уборщицы, и здесь, и в коридоре должно все сиять. А ты... – сделав паузу, он критически оглядел Аглаю.

– Кровь не буду убирать, – сразу заявила она. – Хоть убейте.

– Охотно бы убил, – вздохнул шеф. – Да только двоих для одного вечера многовато будет. Так что сделай-ка милость, пройди по всем помещениям. Ты, как никто другой, знаешь

все Алкины вещи. Так вот, проверь, чтоб от них и следа нигде не осталось. Собери все, вплоть до носового платка и губной помады. Все, слышишь? Ну, и оботри заодно мебель и дверные ручки. На это-то тебя хватит?

– Отпечатки пальцев стереть? – догадалась Аглая, скользнув взглядом по вроде бы чистой, не заляпанной кровью мебели.

– Именно, – кивнул шеф. – Береженого Бог бережет. Чтоб никто Алку с нами связать не мог ни под каким предлогом. Ни сейчас, ни в будущем.

– Никто, кроме целой кучи зрителей, – с сарказмом сказала Аглая.

– Эти зрители – не такие идиоты, чтобы трепаться о своих похождениях, – мрачно буркнул шеф. – К тому же им не известно ничего из того, что произошло за пределами арены. Об этом знают только шестеро: я, доктор, парни да ты. И все мы до такой степени по уши в дерьме, что каждый не то что заикаться об этом не станет, а еще и будет молиться, чтобы другие не разболтали. Ясно тебе?

– Пошел бы ты, – с внезапной злостью огрызнулась Аглая. На что шеф, вопреки ее ожиданию, не вспылал, а лишь криво ухмыльнулся:

– Значит, поняла. Я в тебе не сомневался. Хоть ты и геморрой в заднице, но дурой тебя не назовешь. – Он полез во внутренний карман, вытащил бумажник. – Я с тобой не рассчитался за сегодняшнее шоу. Вот, держи. – Он отсчи-

тал обычную сумму, а потом добавил сверху еще несколько крупных купюр. – Это за моральный ущерб.

Закусив губу, Аглая взяла деньги. Злость накатила волной. Плата за ущерб... Как же! Просто затыкают рот, чтоб молчала об убийстве подружки! Но вспомнила, как нервно плясал в темноте пустыря огонек шефовой сигареты, и не стала ничего говорить. Он и сам не рад тому, что случилось, в этом сомневаться не приходится. А вот толстопузый Борис... Внезапно вспомнив о нем, Аглая нашла, на ком сорвать злость! И, взявшись за тряпку, принялась яростно оттирать мебель, попутно проклиная на чем свет стоит самодовольного жирного Борю вместе с его телохранителем заодно.

– Айка! – рядом возник Руслан. – На вот, отвлекись ненадолго.

В одной руке он держал поднос со стопками, бутербродами и бутылкой. Другой совал Аглае уже налитую стопку. Без лишних споров она приняла ее, осушила до дна. И попросила:

– Налей еще.

– Айка, ты только это... закусывай. – Гена остановился рядом, поставив на пол ведро, и тоже взял с подноса стопку водки. – А то оно, знаешь...

– Знаю, – кивнула Аглая. Да, может развезти, особенно после такого физического напряжения. Но именно в этом она сейчас и нуждалась, как никогда.

– А раз знаешь, то бери, – тоже выпивший стопку, шеф

сам сунул ей в руки бутерброд. – У нас еще дела не доделаны, да и возиться с тобой нет никакой охоты, и без тебя сегодня неприятностей хватило. Причем на сто лет вперед.

«Так, может, закроете нелегальную часть своего заведения?» – рискуя нарваться на грубость, хотела невинно осведомиться Аглая. Но от бутерброда вдруг пахнуло так аппетитно, что челюсти свело, и рот заполнился голодной слюной, заставив Аглаю с жадностью вгрызться в тающие во рту лепестки сырокопченой колбасы.

Однако, когда настала пора вернуться к работе, Аглая пожалела о том, что дала волю аппетиту, потому что запахло отмываемой парнями с пола кровью. Запах был вроде и не сильным, но таким тяжелым и всепроникающим, что Аглая ощутила, как ее начинает мутить, а проклятая колбаса комом давит снизу на горло.

– Ты чего? – спросил Руслан, увидев, что она побледнела и отложила свою тряпку. – Плохо, что ли? Так выйди на улицу, подыши. Давай-давай, потом все доделаешь. А то еще не хватало тут и после тебя убирать...

Аглая послушалась. Пробралась вдоль стены, чтобы не наступить в красно-бурые потеки смешанной с кровью воды, потом быстро пробежала по коридору, машинально отметив, что и его тоже надо протереть, ведь парни натоптали здесь окровавленными подошвами. Рывком распахнула дверь. И, едва вдохнув ночной уличной свежести, почувствовала, как ее отпускает. Тяжесть, спазм, тошнота – все прошло, оста-

лась только противная слабость в руках да липкий пот, высыхающий на ветру. Ветер был теплый, летний, но Аглаю стало от него познабливать. А может, и не от него вовсе... Но, несмотря на дрожь, она замерла на крыльце, не торопясь возвращаться назад. Потому что опасалась, что, едва вернется в Аллочкин закуток, как отступившая было дурнота накатит по-новой. Пусть лучше парни как следует там приберутся – похоже, они не так болезненно реагируют на запах крови. А она еще успеет доделать свою часть работы. Не особенно мучаясь угрызениями совести из-за своей задержки, Аглая стояла и смотрела на то, как в свете фонарей колышутся от ветра деревья с уже утратившей весеннюю нежность листвой.

Долго ли Аглая стояла, она не могла бы сказать, так глубоко задумалась, что тихо скрипнувшая дверь заставила ее вздрогнуть.

– Это я, – доложил вышедший на крыльцо Гена. – Ты тут еще не замерзла?

– Что, шеф послал? – с кривой усмешкой спросила Аглая.

– Да нет, я покурить, – ответил Гена, подкрепляя свои слова действием. И добавил, затянувшись: – Поганый сегодня выдался вечерок. Давненько таких на моей памяти не было.

– На моей тоже, – вздохнула Аглая.

– Да у тебя-то в жизни и не должно быть ничего подобного...

– В этой жизни много чего не должно быть. – Аглая яростно передернула плечами. – Но бывает. Ладно, пойду. Надо

сделать все побыстрее, чтобы, наконец, покончить хоть с какой-то частью этого кошмара наяву.

Но, шагнув с крыльца на порог, она замерла, опасаясь снова ощутить тошнотворный запах крови.

– Там теперь ничего, терпимо, мы хлорочки догадались добавить в ведро, – заметив ее колебания, сообщил Гена. – А хочешь, подожди минутку, пока я докурю, вместе пойдем.

Вместо ответа Аглая молча развернулась, уперлась спиной в косяк открытой двери и застыла на месте, глядя в широкую Генину спину. Многие побаивались его, такого увесистого, одним своим видом способного внушить почтение, с мощной бычьей шеей и с не очень-то добрым взглядом глубоко посаженных темно-серых глаз из-под нависших широких бровей. Аглая тоже его побаивалась, ходили слухи, будто Гена успел отсидеть на зоне, да отнюдь не за кражу попугаев в зоомагазине... А вот при более тесном знакомстве оказалось, что не так-то уж он и страшен, как о нем судачат. Наоборот, отнесся к Аглае с сочувствием.

Докурил Гена быстро. Затушил окурочок о перила и шагнул с ним к стоящему за дверью ведерку. Аглая посторонилась, пропуская его. И, проследив взглядом за полетевшим в ведро окурочком, вдруг вспомнила...

– Пойдем, Айка, – позвал ее Гена.

– Нет, подожди, – Аглая сделала шаг к ведру.

– Ты чего?! – опешил Гена, увидев, как она нагибается, а потом встряхивает ведро, ухватив за края. И, наклонив его к

вновь включенному в коридоре свету, рассматривает содержимое.

– Помнишь, когда мы выходили, нам здесь попались Борис и Денис? – не разгибаясь, спросила Аглая. Мусора оказалось немного, и она могла рассмотреть содержимое ведра. – Так вот, один из них выбросил сюда что-то, довольно звонко ударившееся о стенку.

– И что с того? – не понял Гена.

– Может, и ничего, – сказала Аглая, наконец-то выпрямляясь. – Но из всего, что тут имеется, звякнуть могло только это. – И она продемонстрировала Геннадию осторожно извлеченный из мусора двумя пальцами шприц.

– Выбрось обратно, – едва взглянув, посоветовал Гена. – Если один из них ширяется, это его проблемы. А вот ты не подцепила бы заразу с этой дряни.

– Ширяются обычно инсулиновыми. – Аглая задумчиво оглядела шприц, по-прежнему брезгливо держа его двумя пальцами за ребро на конце поршня. – В крайнем случае «двушками». А это – «пятерка».

– Не знаю, Айка, откуда у тебя такие познания, но мой тебе совет: выброси эту гадость и забудь о ней. Главное, руки потом хорошенько вымой.

Аглая посмотрела на Гену. Потом – на шприц. И решила:

– Не выброшу! Как сегодня эта свинья злорадствовала, приняв меня за Алку! Может, мне удастся ему за это какой-нибудь пакостью отплатить?

– Подбирая за ним мусор? – скептически хмыкнул Гена.

– Вот бы узнать, что здесь произошло, – сказала Аглая. –

И кто из них...

– Айка, хватит дурака валять! Ничего ты не узнаешь. А если бы и узнала даже что-то реальное, то все равно никогда не смогла бы подобраться к Борису. Не твоего он полета птица. У таких, как он, все нужные люди куплены. А раз так, если только ты попытаешься рот раскрыть в его адрес, сама же во всем и окажешься сто крат виновата. Уж поверь на слово дяде Гене и его житейскому опыту.

– Эй, а вам кресла сюда не принести, чтоб удобнее было филонить, пока остальные вкалывают? – ехидно осведомился показавшийся в коридоре Эдик.

– Уже идем, – ответил Гена, взглядом призывая Аглаю выбросить каку и следовать за ним. Но она упрямо мотнула головой и понесла шприц с собой все так же двумя пальцами. Пожав плечами, Гена вытащил откуда-то целлофановый пакет и протянул Аглае:

– Упряма ты, оказывается, во хмелю! Убери хотя бы, чтоб не испачкаться. Утром, когда протрезвеешь, сама же плевать будешь.

– Может быть, – не стала спорить Аглая. И по возвращении в раздевалку спрятала пакет в свою сумочку.

По домам их развезли на такси. Для посторонних глаз они вполне могли сойти за весело погулявшую компанию, истратившую на это все силы, а оттого теперь молчаливую. Аглая пошатнулась, выходя из машины. Но теперь не от физической слабости, а от вполне конкретной дозы принятого алкоголя. Развернулась, помахала оставшимся в машине Гене и Эдику рукой и пошла к подъезду. Не торопясь, пытаюсь перенастроиться, собраться с мыслями. Чтобы брат Ромка заметил как можно меньше и не догадался, как и прежде, вообще ни о чем. Аглая и представить себе не могла, что бы с ним стало, если бы в один прекрасный день он узнал вдруг, где и как подрабатывает иногда вечерами его сестренка. Все, что он знал о ней – это что сестра работает в кафе. Она и в самом деле работала в кафе «Парус», раньше – мойщицей посуды, а теперь, после обучения, – поваром. Но получаемые там деньги были просто смешными в сравнении с тем, что она могла заработать на ринге. Денег же им с Ромкой не хватало катастрофически.

Хлопнула за спиной подъездная дверь, отверещала трель домофона, и Аглая медленно стала подниматься по ступенькам на свой четвертый этаж. В квартиру, где когда-то было шумно и тесно шестерым в двух комнатах. Но весело. А теперь, как иногда горько шутил Ромка, здесь жили всего пол-

тора человека. Сегодня Гена сказал Аглае, что в ее жизни не могло случиться ничего, страшнее этого вечера. Вечера, когда погибла ее лучшая подруга. Но кошмар был. В тот день, когда погибла в аварии почти вся их дружная семья. Мама, отец, бабушка и младший брат. Все и разом. Остались только Аглая с Ромкой, в тот роковой вечер уехавшие с дачи не на машине, а на его мотоцикле. Все, что последовало за этим, после того, как незнакомые люди пришли к ним домой и сообщили о случившемся, Аглая до сих пор вспоминала как кошмарный сон. Словно это все было не с ней, а с кем-то другим. Похороны, поминки, суета с какими-то бумагами... Аглаю, как несовершеннолетнюю – ей тогда было пятнадцать, – хотели забрать в приют. Но Ромка не то что воспротивился этому, он встал за свою сестру стеной. Он был отчаянным парнем, ее брат. И сумел добиться своего.

– Ничего, сестренка, прорвемся! – вспомнила Аглая его тихий, но очень решительный голос. – Я добьюсь опеки над тобой. Добьюсь!

Убитая случившимся, отчаявшаяся Аглая оживала только тогда, когда слушала Ромку. Крепко брала его за руку и сидела с ним рядом, прижавшись к его плечу щекой. И верила, что он ее отстоит у всех государственных органов, вместе взятых. Так и получилось. И брат с сестрой начали жить вдвоем, плечом к плечу сражаясь со всеми жизненными неурядицами. Бывало, конечно, всякое – и ругались иногда, когда Ромка пропадал где-то по своим делам, Аглае при-

ходилось жить по несколько дней совершенно одной, и терпеть его дружков, когда брат приводил их домой. Правда, дружки досаждали лишь шумом сидящей в своей комнате за закрытыми дверями Аглае, хаос после этих гулянок Ромка разгребал сам, а что касалось нездорового внимания подвыпивших приятелей к Аглае, то брат разорвал бы любого из них, посмей тот к ней только приблизиться, и все они отлично это знали. Так что жилось Аглае с Ромкой вдвоем очень даже неплохо. Она доучивалась в школе, а Ромка из кожи вон лез, чтобы заработать денег на ее дальнейшее образование. Вот только не знала тогда Аглая, как далеко он готов зайти в своих стараниях. Точно она не знала этого до сих пор, Ромка так ничего и не рассказал ей после выписки из больницы, хотя с той поры прошел уже не один год. Но в том, что он связался не с той компанией и что именно из-за этого пострадал, Аглая не сомневалась. Внешне все выглядело как очередная в их семье авария. Авария на мотоцикле. Только мотоцикл почему-то почти не пострадал, получил лишь пару царапин. А вот Ромка... Ромка остался без обеих ног. Причем о протезировании и речи до сих пор идти не могло: вначале необходимо имплантировать тазобедренный сустав с частью кости, а такая операция стоит ох каких немалых денег! Аглая, пережив еще одну беду и придя в себя, твердо решила, что непременно их соберет. Рано или поздно, но соберет, чего бы ей это ни стоило! Из-за этого своего стремления заработать во что бы то ни стало она и решила стать

«гладиаторшей» в подпольном клубе. Хотя знала, насколько это опасно – на ее памяти участница боев погибла впервые, но ранее несколько девушек получили серьезные увечья, одна из них даже стала инвалидом. Но, зная, чем рискует, Аглая все равно не отступила. Пусть на одной чаше весов было ее здоровье – на другой ведь был Ромка, ее родной брат, у которого вся жизнь полетела под откос с того страшного вечера, когда кто-то изломал ему ноги. Лишним подтверждением тому, что именно изломали, был визит, что нанесла ей вскоре после случившегося пара парней весьма бандитского вида. Ромка лежал тогда в больнице, но накануне его перевели в другое отделение. И вот, видимо, потеряв его из вида, эти типы и заявили к Аглае.

– Где твой братец, детка? – нагло ввалившись в прихожую, спросил один из них у Аглаи.

– Все еще в больнице, – ответила она, машинально сжимая в опущенной руке нож, которым только что, до звонка в дверь, разделявала курицу Ромке на бульон. – А что?

– Здесь вопросы я задаю, – ответил он, с глумливой усмешкой попытавшись ухватить Аглаю за подбородок. – А ты отвечаешь. Пока. Потом, может, и к делу с тобой перейдем.

По его лицу нетрудно было угадать, каким именно делом он и его дружок не прочь заняться с молодой симпатичной девушкой. Но вместо того чтобы испугаться, Аглая холодно бросила:

– Руки убери!

– Что-что?! – ухмыльнулся он ей в лицо. А в следующий миг тихо взвыл, пытаясь зажать руку, из которой хлестала кровь, другой. – Ах ты...

Ответом на его отборный мат стал кровавый росчерк на его же лице. Словно какой-то бес вселился в Аглаю, не давая ей ни отступить, ни хотя бы просто остановиться. Предплечье, плечо, лопатка... Второй тип кинулся на помощь своему дружку, ошалевшему настолько, что он даже не пытался сопротивляться. Но озверевшая Аглая крикнула второму, не узнавая своего голоса:

– Стоять! – и, вскинув нож, добавила: – Или следующим ударом я твоему дружку глотку перережу!

Глядя в ее бешеные глаза, второй тип поверил и остановился. Вовсе не такой встречи ожидали они, отправляясь «побеседовать» в квартиру к одинокой девушке. Они не знали Аглаю, не представляли ее нынешнее состояние, когда от отчаяния море стало едва выше пятки. А Аглая, указав уцелевшему на его истекающего кровью товарища, велела:

– Убирай его отсюда! А если заявитесь еще раз, выпущу кишки обоим без всякого предупреждения! Мне терять нечего!

Терять, конечно, было что, тут Аглая блефовала. Не хотелось ни умирать, ни быть изнасилованной жажущими мести братками. Она прекрасно понимала, что раз уж они к ней заявили, то, возможно, достанут ее потом. И не желала

ла упустить случая отплатить своим возможным мучителям загодя, авансом.

– Дура бешеная! – Закинув себе на плечо руку бледного, окровавленного товарища, второй бандит развернулся с ним к порогу. И, подтверждая ее мрачные мысли, добавил: – Ну подожди, мы с тобой еще свидимся!

– Распотрошу обоих! – бледными губами выдохнула ему вслед Аглая, захлопывая дверь.

Братки не видели, как она на подгибающихся ногах добрела до кухни и как билась там в истерике, запивая свои слезы водкой, кажущейся ей в тот момент не крепче воды. Не видели они и того, как с утра Аглая всеми способами пыталась устранить со своего лица следы похмелья и слез. Вечером ей предстояло идти к Ромке. А брат, твердо решила она, не должен ни о чем догадываться, потому что ему и без того хуже некуда. Что должен чувствовать молодой парень, ставший инвалидом? Но Ромка, едва увидев сестру, сам заговорил с ней о случившемся:

– Айка, к тебе вчера никто не приходил?!

– А что, кто-то должен был прийти? – спокойно спросила она.

– Значит, никто? – спросил он, сверля ее взглядом.

– Ромка, да кто про нас с тобой сейчас вспомнит? – вздохнула Аглая. – Это друзей был полон дом. А теперь остались разве что Вовка с Никитой, но они скорее к тебе сюда придут, чем ко мне.

– Да, – согласился помрачневший Ромка. И после долгой паузы попросил: – Айка, ты не могла бы съездить к нам на дачу? Прямо сегодня, сразу после больницы? Я расскажу тебе, где найти один сверток. Ты должна взять его и, не раскрывая, привезти сюда, ко мне. Справишься? Это очень нужно сделать. Просто необходимо.

– А что за сверток? Что в нем? – в последний раз попыталась выяснить обстоятельства произошедшей с Ромкой трагедии Аглая.

– Тебе этого знать не нужно. И не вздумай его открывать, это опасно. Реально опасно! Впрочем, он запаян... Слушай, что я тебе говорю, и сделай все в точности, если хочешь, чтобы нам с тобой дали спокойно жить. За себя-то я больше не боюсь, хрен бы они от меня чего дождались... А вот ты... Выполни мою просьбу, и все будет хорошо.

– Ромка, ну куда же ты влез? – подавшись вперед к его лицу, спросила Аглая.

– Айка! – он сдвинул брови. – Молчи и делай, что велят. Сегодня же! Сейчас!

И Аглая, взглянув на его забинтованные раны, одна из которых упорно не желала заживать, и повязка там регулярно промокала, и на его исхудавшее лицо, не стала больше спрашивать ни о чем. Просто приехала на дачу, отыскала в тайнике за баней требуемый сверток, небольшой, но очень тяжелый, и привезла его Ромке. И больше ни он, ни она никогда не упоминали о нем. Впрочем, и повода к этому не было:

сверток исчез на следующий же день, и Аглая была уверена в том, что больше никогда его не увидит.

А вот с памятной парочкой, завалившейся к ней в квартиру, Аглае повидаться все-таки пришлось, но уже совсем при других обстоятельствах. На улице. Однажды, уже после Ромкиной выписки, Аглая возвращалась с работы, когда они перегородили ей дорогу на пустынной аллее возле дома. Даже не разглядев еще их лиц, Аглая быстро сунула руку в карман – со дня их визита она никогда не выходила на улицу без ножа, он стал для нее даже более неотъемлемым атрибутом, чем ключи и мобильный телефон. Но бандиты остановились, не торопясь вступить с ней в близкий контакт. А потом один из них крикнул, соблюдая дистанцию:

– Эй ты, бешеная! Подзаработать не хочешь? Тут работенка имеется, подходит как раз для такой психопатки, как ты.

– И какая, интересно? – прищурилась Аглая. – Уж не... вам обоим по очереди? Тогда это не ко мне.

От ее озвученной версии у мужиков невольно открылись рты. Аглая и рассчитывала на их недолгую заминку, чтобы она успела оценить ситуацию, в которой оказалась. Быстро оглянулась. Сзади вроде бы никого нет. Значит, можно попытаться убежать через кусты, если эти два братка кинутся к ней. Но мужики не тронулись с места. Лишь один, придя в себя, выдал, глядя куда-то в сторону:

– Я же говорил, что она ненормальная!

– Вижу, вижу, – из-за кустов на тротуар шагнул третий

мужик и тоже уставился на Аглаю. – А если не угадала? Реально предлагаю работу. Такую способны выполнить лишь девчонки с характером. И ты мне подходишь.

Больше с двумя братками Аглае видеться не довелось. А вот третий, управляющий подпольным клубом, стал ее шэфом, потому что, выслушав его, Аглая согласилась выйти на ринг. И с тех пор, уже не первый год раз, а в курортный сезон и два раза в месяц она участвовала в боях, тщательно скрывая от Ромки эту сторону своей жизни. Потому что он с ума бы сошел, если узнал, как она рискует. А еще – потому, что она, возможно, работала на тех, кто в свое время искалечил ее брата. Но случившегося с Ромкой все равно нельзя исправить. А деньги, которые так нужны ему, как известно, не пахнут...

Поднявшись по лестнице, Аглая отперла входную дверь. Из кухни лился свет, оттуда же доносились звуки работающего телевизора и несло табачным дымом.

– Ромка! – Разувшись, Аглая прямиком направилась в кухню. – Ты бы хоть форточку открыл, что ли?

– Айка! – Ромка сидел у стола в кресле-каталке. И по глазам брата Аглая тут же поняла, что он пьян. Опять! В который раз за последнее время...

– Что, Никита к нам заходил? – перегнувшись через стол, Аглая повернула ручку и толкнула оконную створку. Никита был единственным Ромкиным другом, который не забыл про него, как все прочие, после того как с братом случилась бе-

да. И иногда выкраивал время для того, чтобы его навестить. Правда, случилось это нечасто – у Никиты были свои дела, свой ритм жизни, свои заботы, обычный жизненный водоворот. Аглая все это понимала и была благодарна Никите даже за те редкие вечера, которые тот мог выкроить для ее брата.

– Нет! – мотнул головой Ромка.

– Тогда откуда водку взял? – Аглая изобличающе кивнула на почти пустую бутылку, стоявшую на столе.

– Соседа попросил! – огрызнулся Ромка.

– И что, пил один?

Лучше бы не спрашивала! Аглая сразу же осознала свою оплошность, глядя на то, как взвился Ромка:

– Да какое там один?! Ты что, не видишь: у нас же полный дом гостей?! Вот и сидим, веселимся! Ха-ха!

– Ромка! – Аглая попыталась его обнять, но он ее оттолкнул. Скрипнул зубами. Двадцатилетний парень, вот уже три года прикованный, словно цепью, к квартире.

– Ромка, – Аглая едва не улетела от его толчка, но успела ухватиться рукой за стол. Поврежденную ногу резануло болью. Поморщившись, она осторожно опустилась на пол, глядя на брата снизу вверх. Спросила примирительно: – Ну чего ты? Я же только спросила.

– А я только ответил. – Ромка отвернулся к окну. – Иди, сестренка. Ты устала, с работы пришла. Да и погулять успела по пути домой, как я вижу.

Заметил, поняла Аглая. Даром что сам пьян. И, судя по

горечи в его голосе, оправдываться сейчас перед ним бесполезно: он еще больше распихуется. Целыми днями сидит один в четырех стенах. Это главная причина, по которой Аглая старалась собрать деньги ему на операцию как можно скорее: Ромка опасно приблизился к той грани, за которой начинается деградация отчаявшегося человека. Когда он отталкивает от себя всех и отпускает все тормоза. А потом – либо сопьется, либо однажды дотянется-таки на руках до открытого окна на их четвертом этаже... Одна такая попытка уже была около года назад. Тогда Аглая успела вернуться домой. И оттащила брата от окна. И долго, рыдая, объясняла ему, что он для нее – не обуза, а единственный родной человек, который по-прежнему очень ей нужен. Вроде убедила. Но надолго ли? Если сама своими поздними возвращениями домой нередко демонстрирует ему обратное?.. Не удержавшись, Аглая всхлипнула. А потом расплакалась, сидя на полу и прижавшись щекой к колесу Ромкиной каталки.

– Айка... Ты что? – опешил брат.

– Так... Неприятности на работе, – выдавила она.

– Ну что ты, – смутившись, Ромка стал гладить ее ладонью по голове. – Я же не знал... Работница ты моя, кормилица. Что случилось? Кто тебя обидел?

Услышав последний вопрос, Аглая расплакалась еще громче. «Кто тебя обидел?» Эти слова ей были знакомы с ранних детских лет. В садике ли, во дворе ли, потом в школе, Ромка задавал ей этот вопрос всегда, если видел, что она

чем-то расстроена. И если оказывалось, что ее действительно обидели, то обидчику приходилось несладко... Впрочем, зная, что у нее есть заступник, Аглаю редко кто задевал... И вот теперь, уже не в силах ничем ей помочь, Ромка снова задал этот вопрос сестренке. Как же горько слышать его! Горько и больно за брата.

– Никто... Так, с начальницей поругались, – выдохнула Аглая сквозь слезы. – Ничего, ерунда. Просто настроение испортилось.

– Ну, ладно. Бывает, Айка. – Ромка продолжал ласково гладить ее по голове.

– Бывает, – согласилась она и, приподнявшись, обвила руками его шею, уткнулась лицом в грудь. И вздохнула, словно опять возвращаясь в детство: – Как все-таки хорошо, что ты у меня есть.

– Ладно, Айка. – Ромка помрачнел и, похлопав ее по спине, легонько отстранил от себя. – Будет тебе уже.

– Сейчас руки вымою и стол накрою к ужину. – Почувствовав, что снова чем-то его задела, Аглая послушно поднялась.

– Ты как хочешь, а мне ничего не надо, – ответил он. – Времени-то уже...

– Батюшки! – ахнула Аглая, взглянув на часы. – Почти три...

– Вот-вот, – кивнул Ромка. – А тебе завтра на работу.

– Завтра приду домой пораньше... если только кафе не

снимут под заказ, – пообещала Аглая, отправляясь в ванную. Хорошо хоть синяки сегодня удачно скрыты одеждой, и не надо выкручиваться и что-то сочинять, объясняя брату их происхождение. Открыв кран, Аглая взглянула на себя в зеркало. Почти всю косметику смыло слезами, под глазами залегли лиловые тени. Устала как собака, так что даже пережитое потрясение ступедалось в сознании, будто и не произошло все это наяву с ней, а просто было увидено со стороны. И не верилось, все еще упорно не верилось, что Аллочки больше нет...

4

А вот утром, когда сознание Аглаи только пыталось мучительно включиться под ненавистную трель будильника, на душе у нее вдруг стало тяжело-тяжело. И даже толком не осознав, что произошло, Аглая в полусне вся сжалась от мучительного чувства утраты. И лишь потом, вырываясь из вязких объятий сна, вдруг вспомнила: Аллочка! Сон как рукой сняло. Аглая рывком села в кровати. Интересно, нашли ее уже или нет? Или все еще лежит на пустыре, покрытая росой, остывшая скорчившаяся фигурка? А вдруг на нее, ничем не защищенную, и в самом деле наткнутся бродячие собаки?! И обглодают ее, изуродуют и без того пострадавшее тело? Для Аллочки это ничего уже не могло изменить, но Аглае от этой мысли почему-то стало тошно. Она вскочила, лихорадочно

засобиралась. Заправила постель, умылась, поела на скорую руку, не потому что хотелось, а просто по инерции. Попутно приготовила Ромке на завтрак рис с колбасой и овощами, оставила на плите. Заглянула к нему в комнату. Он крепко спал, уткнувшись лицом в подушку. И даже не раздевшись, что в последнее время случалось с ним все чаще. Аглая не стала его будить – что толку, если все равно уже утро? Тихо притворила дверь. Проверила, не забыла ли взять с собой телефон. Позавчера вечером поставила его на зарядку, и вчера утром спросонок оставила мобильный дома. Обошлась, конечно. Но сегодня он был не просто нужен, он был ей необходим так, как никогда раньше.

Солнечные лучи уже всю золотили листву, щебетали птицы, свежий и ароматный ветерок нежно касался лица. Природа словно призывала Аглаю забыть все горести и всеми силами старалась ей в этом помочь. Но Аглая лишь вздохнула, подумав о том, что и у Ромки депрессия, возможно, протекала бы не так тяжело, если бы он хотя бы время от времени выбирался во двор, а не сидел безвылазно в четырех стенах. Для Аглаи с Ромкой лестница на четвертый этаж была непреодолимым препятствием. А когда однажды Никита вызвался-таки помочь спустить Ромку вниз, тот, пробыв во дворе недолго, потянулся назад в квартиру. И Аглая поняла: комплексует. Перед знакомыми, перед соседями, перед непосредственным любопытством бегающих по двору ребятишек. Если бы он спускался на улицу чаще, к нему давно

бы привыкли и перестали обращать на него внимание, да и он бы научился не придавать значения бросаемым на него взглядам. Но он с тех пор забился в квартиру, как в нору. Да и Никита, без которого они не могли справиться, приходил нечасто... Аллочка, умница, узнав о проблемах брата и сестры, предложила Аглае разменять их квартиру на первый этаж. По крайней мере, сказала она, Ромка твой в окно хоть не выбросится. Аглая уцепилась за эту идею, но вариантов размена пока не нашлось. Аллочка обещала помочь с этим вопросом, ей как будто на роду было написано, чтобы все у нее всегда ладилось. И кто бы еще вчера мог подумать, что все вот так нелепо и мгновенно оборвется?! При мысли об Аллочке Аглаю словно пронзило болезненной стрелой, и она остановилась, пытаясь прийти в себя. Потом нерешительно достала из сумки телефон, нажала Аллочкин номер. Нашли ее уже или нет?! Если нашли, то, быть может, кто-нибудь да ответит. Но все еще не отключившаяся Аллочкина трубка лишь издавала на том конце ритмичные гудки...

Аглая думала о подруге в течение всего дня, работая автоматически: то нарезаая фирменные салаты, то жаря блинчики, которыми их кафе не менее славилось. Совсем не о такой специальности она когда-то мечтала! Но выбирать не приходилось. И то, что Аглая ухитрилась получить корочки повара, когда-то в этом же кафе подрабатывая мойщицей посуды, в ее нынешнем положении можно считать удачей. Готовила она хорошо, даже самой нравилось. И нередко ухитрялась

экономить на продуктах, в конце дня что-то забирая домой. Но все-таки не любила Аглая эту работу. Поэтому облегченно вздохнула, когда наконец-то справилась со всеми делами. Кафе на этот вечер никто не заказал. Значит, как она и обещала Ромке, можно пораньше прийти домой. Приняв душ и переодевшись, Аглая вышла на открытую веранду, где в летнее время тоже стояли столики. Народа там, под переплетенными с виноградной лозой гирляндами цветных лампочек, сидело немало – кафе располагалось в людном месте, имело хорошую репутацию. Да и выглядело уютно. С фасадом, отделанным камнем, окруженное со всех сторон ухоженными клумбами, от которых сейчас ветерок доносил теплый аромат цветов, с аккуратно выложенными плиткой дорожками, сходящимися к невысокому фонтану. А дальше, в бархатных сумерках южного вечера, не видное за высоким парапетом, легко угадывалось море.

«Прямо мечта всех влюбленных», – усмехнувшись, охарактеризовала тогда это кафе Аллочка. Ее, кстати, отыскали и предложили ей выйти на ринг после разгромной драки, учиненной ею возле барной стойки по поводу хамской назойливости очередного плененного ее яркой внешностью поклонника. К счастью, произошло это в совершенно другом кафе, так что Аглае этого видеть не довелось. А по рассказам очевидцев, было на что посмотреть...

Спустившись по широким ступенькам с веранды, Аглая снова набрала Алкин номер, и где-то на заброшенном пусты-

ре ее телефон тоже ожил. Но по нему по-прежнему никто не ответил. Аглая вышла на набережную и замерла у парапета, мучительно размышляя, как же быть дальше. От мысли оставить Аллочку на пустыре еще на одну ночь становилось худо. Пойти туда и «обнаружить» тело самой? Поди потом объясняй, что она там делала. А подать заявление в полицию – так даже если его сразу примут, то не факт, что начнут поиски именно с пустыря. Город-то большой...

В конце концов Аглая поняла, что пойти сейчас одной на пустырь и снова увидеть Аллочку у нее просто нервов не хватит. И решила-таки обратиться с заявлением о ее пропаже в полицию. Но там, выслушав устное Аглаино заявление о том, что ее подруга, с которой они договаривались встретиться еще вчера, канула в неизвестном направлении и не отвечает на телефонные звонки уже сутки, стали задавать наводящие вопросы. Аглае, раз уж она ввязалась в это дело, пришлось на них отвечать. И когда полицейский узнал о том, что пропавшая девушка в прошлом – весьма проблемный подросток, приехала в их город после того, как сбежала из станицы, из родительского дома, не поладив с мачехой, и живет теперь на съемной квартире, работает визажистом и имеет немало сраженных ее красотой поклонников, он наотрез отказался принимать от Аглаи письменное заявление. «Такие яркие и независимые, как твоя подружка, – сказал он, – могут легко исчезнуть и на неделю. Ну и что, что раньше такого не случилось? А может, она сейчас с твоим парнем развлекается,

оттого и трубку не берет? Нет у тебя парня? Ну, все равно, мало ли с кем, ты ей не мать, чтоб она перед тобой отчитывалась за каждый свой шаг. Лучшая подруга? Ну, знаешь, это тоже к тотальному контролю не обязывает. На работе-то ты ее не пыталась искать? Ах, у нее сегодня выходной? Ну, голубушка, тогда и вовсе извини, нет пока никаких оснований для твоего заявления. Тем более что и в менее сомнительных случаях мы такие заявления принимаем лишь спустя трое суток после пропажи человека».

Так ничего и не добившись, Аглая пошла домой. И снова был у нее тягостный, напряженный вечер. Ромка, встретив ее, заикнулся было в шутливой форме о том, что «вот бы сейчас бутылочку арманьяка». Но Аглая, всерьез начавшая опасаться, что вскоре он может спиться, ласково ему отказала. Он сегодня был вроде в настроении и не обиделся. О чем она сама же потом и пожалела, чувствуя, что совсем не лишним было бы и ей с Ромкой за компанию выпить. Обнявшись, они сидели на диване в его комнате перед телевизором, и им было вдвоем хорошо... но как же плохо, с каждым часом все хуже, становилось Аглае! От Ромкиного внимания это не ускользнуло, во время рекламы он покосился на сестру:

– Айка, ты что такая?

– Да ничего, не бери в голову, – как можно беззаботнее отмахнулась она. – Бывают моменты, когда наслаивается друг на друга куча маленьких неприятностей, и это достает силь-

нее, чем одна крупная.

– Ну, так расскажи, что там у тебя, – предложил он ей.

– А вот рассказывать-то как раз, в сущности, и нечего. Мелочи – они мелочи и есть! – пожала плечами Аглая.

– Ну, вообще расскажи, как жизнь, – и, помедлив немного, Ромка спросил: – Как там Алка?

Аглая даже съежилась при упоминании о подруге. О том, что однажды Алла зашла к ним домой, жалели впоследствии и она сама, и Аглая. Потому что Ромка, как и следовало ожидать, едва увидев Аллочку, тут же в нее влюбился. Безнадежно – это понимали все трое. Но от этого не менее глубоко. Ромка и комплексовал перед Аллочкой, как ни перед кем другим, и в то же время столько раз просил сестру, чтобы та приглашала к ним ее еще и еще. И подруга, понимая все, пусть нечасто, но приходила. Все трое прекрасно осознавали, что вечера, когда они собираются вместе, доставляют Ромке одни терзания. Но он первый был не готов от них отказаться, потому и девушки не могли в этом ему отказать. И вот теперь, так не вовремя, Ромка задал свой вопрос...

– Она? Да ничего, – крепясь изо всех сил, ответила Аглая. – Мы с ней редко стали видеться, она учиться надумала куда-то поступать, так что времени у нее сейчас свободного практически нет.

– Учиться? А куда? – Все, что связано с Аллочкой, было Ромке интересно.

– Не знаю. Она не говорит: пока не поступит, сглазить

боится, – выкрутилась Аглая. А чуть позже, оставив Ромку досматривать фильм одного, ушла в ванную, где под шум льющейся воды дала волю слезам. Аллочка! Это была не самая страшная из потерь в Аглаиной жизни, но самая мучительная из всех! Потому что блистательная Аллочка с ее легким отношением к жизни очень и очень многое значила для Аглаи, была ее лучом света в темном царстве, заражала ее своей непосредственностью, учила проще смотреть на многие трудности. А еще потому, что эту потерю Аглая ни с кем разделить не могла. Ромка не должен узнать о том, что случилось! Не должен ни в коем случае, иначе, Аглая была уверена, это известие просто сломает его.

Утром Аглая была настолько угнетена, что это начали замечать окружающие.

– Айка, ты что как в воду опущенная? – Официантка Шурочка, пользуясь относительно свободными утренними часами, пропорхнула мимо колдующей на кухне Аглаи к служебному выходу покурить. – И снова с синяками, как я погляжу.

– Ерунда. – Аглая машинально попыталась прикрыть широко расплывшийся кровоподтек на руке излишне коротким рукавом халата. И радуясь, что хоть здесь может сказать часть правды, ответила: – Подружка у меня пропала.

– Подружка! – фыркнула Шурочка. – Нашла из-за чего переживать! Вон, моя бы пропала, змея подколодная, я бы только радовалась! А то приползает почти каждый вечер и мужу моему глазки строит. И тут же – ко мне, сама невин-

ность! Так что и не выгонишь! Как говорится, невозможно найти официального повода!

– Давай меняться, – мрачно предложила ей Аглая.

5

Вечером, когда Аглая складывала в камеру слепленные на завтра биточки, в кармане ее форменного халатика заиграл телефон. И прежде чем вытащила его и взглянула на совершенно незнакомый номер, она поняла: звонят неспроста! Так и вышло.

– Здравствуйте, – прозвучал из трубки приятный мужской баритон. – С вами разговаривает следователь, Михайлов Валентин Петрович. Мне необходимо встретиться с вами в ближайшее время. Когда вам будет удобно?

– Да хоть сегодня, – у Аглаи затряслись руки. – Я через час заканчиваю работать. Кафе «Парус», – и потом, спохватившись, спросила: – А что случилось?

– Об этом нам лучше поговорить при встрече. Через час? Я подъеду. В вашем кафе можно заодно поужинать?

– Если только вас устроит столик в помещении, потому что уличные в это время обычно все уже заняты.

– Устроит. Так будет, наверное, даже лучше. Я подъеду. Если немного опоздаю, пожалуйста, дождитесь меня.

– Хорошо, – Аглая отключилась. Замерла, чувствуя, как сильно бьется сердце. Значит, нашли. Он не сказал, но дру-

гая причина встречаться с Аглаей на ночь глядя у следователя вряд ли может быть. И что ему она скажет? И самое главное, как все это вынести?!

Быстро загрузив биточки в камеру, Аглая доделала оставшиеся дела, переделалась и прошла в зал. Попросила бармена Толика:

– Плесни, пожалуйста, коньяку.

– Что, Айка, проблемы? – участливо поинтересовался он.

– Что, заметно? – спросила она в ответ, поставив на стойку пустую рюмку.

– Честно говоря, да. – Без всякой просьбы он налил ей вторую порцию. – За счет заведения.

– Спасибо, – Аглая и эту осушила одним махом, даже не согрев в руке. – Если меня вдруг будут спрашивать, покажешь, где я? – И прошла к свободному столику, подальше от колонок. Она изредка любила посидеть в своем кафе после смены, с удовольствием осознавая, что рабочая суета уже не имеет к ней никакого отношения. Поэтому Шурочка, заметив ее в зале, без лишних вопросов прихватила с собой на подносе стакан любимого Аглаей мангового сока и ловко поставила ей на стол по пути к основным клиентам. Подмигнула. Аглая невесело улыбнулась в ответ.

Следователь пришел даже раньше, чем его ждали. Вошел, оглядел зал и полез за телефоном. По этому жесту Аглая его и вычислила, потому что внешне он совсем не соответствовал классическому образу сыщика. Среднего роста, сухопав-

рый мужчина лет сорока пяти, загорелое лицо под густой челкой выгоревших русых волос, нос прямой, губы узковатые, зато красивый разрез серых глаз. Из-под коротких рукавов пестрой рубахи хорошо видна рельефная мускулатура.

Не дожидаясь, пока он начнет звонить, Аглая помахала ему из-за столика рукой. Он заметил и подошел.

– Здравствуйте. – Перед ней мелькнуло раскрытое удостоверение. – Простите... Айка?

– Она самая. Для друзей и хороших знакомых. Для всех остальных – Аглая.

– Значит, речь пойдет о вашей хорошей знакомой, потому что в ее телефоне вы значились именно так. – Следовательно сел, оглянулся на снующую по залу Шурочку.

– Рекомендую фирменную картошку в горшочке, салат «Аглазина» и фаршированные блинчики, – со знанием дела, не дожидаясь меню, посоветовала ему Аглая.

Он последовал ее совету. И, дожидаясь, когда Шурочка принесет заказ, заметил:

– Обычно люди в телефонном разговоре, как только я им представляюсь, сразу спрашивают, что случилось. Вы стали исключением из этого правила. Спросили под конец и, судя по голосу, вроде как из чистой формальности.

– Потому что я, кажется, догадываюсь, о чем пойдет речь. Позавчера у меня пропала подруга. То есть перестала отвечать на мои звонки и не встретилась со мной, как обещала. Она у вас? Во что она вляпалась?

– Ваша подруга – Базетова Алла Георгиевна? – уточнил следователь.

– Да, – кивнула Аглая.

– А что, у нее раньше бывали приводы в полицию?

– Алка – отчаянная голова. И не терпит хамства по отношению к себе. Так что особо отличившимся может и стул на макушку надеть. А что на этот раз?

Он не ответил. Шурочка принесла заказ. Потянул носом и спросил у Аглаи:

– С вашего позволения, я вначале поем, потом продолжим? Голодный как волк. А пахнет просто божественно.

Аглая молча кивнула в ответ. В другое время сострила бы на тему пути к сердцу мужчины, ведь готовила-то все поданное сама. А салат «Аглазина» и вовсе был творческой выдумкой Аглаи и ее сменщицы, повара Зины, за что и получил свое необычное название. Но она лишь неторопливо потягивала сок в ожидании предстоящего разговора. Да, лучше пусть вначале поест, а потом все расскажет. Потому что не хотелось Аглае выслушивать известие о смерти подруги от человека с набитым ртом...

Он не заставил Аглаю долго ждать. Все доел и с блаженным вздохом откинулся на стул.

– Прекрасно здесь кормят. Не ожидал. Ну а теперь, – возвращаясь к реальности, следователь подался вперед, – поговорим о деле. Речь пойдет действительно о вашей подруге. Вы не зря о ней беспокоились.

– Что с ней? – спросила Аглая, так как он замолчал, внимательно рассматривая ее лицо.

– А вы не слишком взволнованы, как я погляжу, – заметил он.

– Я не знаю, из-за чего мне волноваться, – тут же нашлась Аглая. – А жизнь меня спокойными днями не балует. «И все самое худшее, что ты можешь мне сообщить, я и без тебя уже знаю», – подумалось ей.

– Ваша подруга нашлась сегодня, – он говорил неторопливо, продолжая смотреть Аглае в лицо. – На пустыре за Си-ренивым парком.

– Там-то ей что понадобилось? – играя свою роль, спросила Аглая.

– Я так думаю, что уже ничего. На нее натолкнулась случайно старушка, которая ходит туда подкармливать бездомных собак. Ваша подруга мертва.

– В каком смысле «мертва»? – спросила Аглая. – Что вы хотите этим сказать?

– Именно то, что сказал: мертва. Убита. По предварительным данным, вчера. Рано утром. Точнее будет известно после окончания всех экспертиз.

– О, боже! – Аглая закрыла лицо руками. Ей не пришлось выдавливать из себя слезы – достаточно было вспомнить позавчерашние события и просто дать себе волю, после чего они, совершенно искренние, сами потекли по щекам.

Собеседник дал ей время на то, чтобы опомниться, после

чего снова заговорил:

– Аглая... я понимаю ваши чувства. Но пришел сюда не за тем, чтобы сообщить вам эту новость, а затем, чтобы поговорить о вашей подруге.

– Как это случилось? – все еще всхлипывая, сдавленно спросила Аглая. – Убита... Кем? Да как такое вообще могло произойти? С Алкой!

– На эти вопросы предстоит ответить следствию. Ее нашли, как я уже сказал, на пустыре. Все было представлено так, будто она подверглась нападению бездомных собак. Но предварительная экспертиза показала, что, действительно погибнув от собачьих клыков и обильной кровопотери, она была привезена на пустырь уже мертвой и брошена там.

– Брошена?... Но почему? Разве можно было так с ней поступить? – Аглая до сих пор считала, что нет, нельзя, хотя сама участвовала в этом.

– Аглая... Те, кто это сделал, думали не о вашей подруге, которой все равно уже ничем нельзя было помочь, а о том, чтобы скрыть истинную картину ее гибели. И свою причастность к ней, потому что иначе не из-за чего было так стараться. Нам же теперь предстоит выяснить, как это все случилось и кто при этом присутствовал. Пока лишь совершенно точно могу сказать, что ее убили где угодно, только не на пустыре.

– А где тогда?!

– Пока не знаю. Но там, где это произошло, все должно быть залито кровью. На самом пустыре ваша подруга полу-

чила всего одну рану, на виске, и то посмертно, когда ее тело уронили те, кто его привез. Эта рана уже не кровоточила. Тело к этому времени вообще было практически обескровлено, потому что из смертельной раны, нанесенной собачьими зубами незадолго до этого, кровь хлестала ручьем. Причем атаковала Аллу Георгиевну одна-единственная собака, и была она гораздо крупнее тех, что водятся на пустыре. Это установлено по следам от клыков. Кроме того, вашу подругу переодели перед тем, как ее привезли на пустырь. Погибла она совершенно в другой одежде. Об этом говорит и экспертиза верхней одежды, чистой, без следов шерсти и собачьей слюны, и то, что ее бюстгальтер оказался надет наизнанку. Сама она его так застегнуть, согласитесь, никак не могла. Ну, а еще на земле остались следы от колес, я думаю, той самой машины, на которой Аллу Георгиевну туда привезли. И следы от мужских ботинок. А вот те шавки, что обычно бегают по пустырю, к телу даже не приближались.

Аглая взялась за голову, чтобы скрыть лицо. Значит, зря шеф с парнями старались утаить правду! Не прокатило! Неизвестно, откуда, но следствию уже известно все, может, за исключением того, откуда Аллочка была привезена на пустырь.

– Аглая, – снова окликнул ее следователь. – Вам сейчас трудно говорить. Но поймите, мне необходимо получить от вас информацию, которая может помочь в расследовании убийства вашей подруги.

– Спрашивайте все, что вам нужно, – кивнула Аглая. – Я отвечу. Она была моей самой близкой, самой лучшей, да что там – единственной подругой. И у нее никого не было ближе, чем я. С семьей она давно порвала все отношения, круг общения у нее был очень широкий, но без особой доверительности, а ее мужчина женат, и Алка, хоть и любила его, всегда давала трезвую оценку развитию их отношений. Так что больше, чем от меня, вы вряд ли от кого-то о ней узнаете.

Они проговорили больше часа. В основном задавал вопросы следователь, а Аглая отвечала на них так точно, как только могла. Это оказалось непросто, учитывая, что не всю правду можно говорить, а нервы у Аглаи были натянуты, как струны. Где они с Аллочкой должны были встретиться? Вечером, на улице. Зачем? Да в кафе пойти, как не раз ходили. А она не пришла. Почему Аглая ей сразу не перезвонила, тем же вечером? Да потому что они заранее договаривались, что, возможно, планы у Аллы могут измениться в том случае, если у нее наметится свидание иного рода. Не знает ли Аглая, с кем? Нет, не знает. Аллочка никогда не любила обсуждать что бы то ни было загодя, обещала рассказать потом. Но никаких дружков с садистскими наклонностями у Аллы никогда не было. И проституцией подруга не подрабатывала. Нет, святошей не была и к жизни относилась легко, не заморачиваясь вопросами морали, но гордость имела. Не было ли среди Аллочкиных приятелей таких, кто имеет большую собаку? Вроде нет, но точно Аглая не знает, пото-

му что такие нюансы специально, конечно же, не выясняла. Что сама делала, не дождавшись подружки? Погуляла, пошла домой. А утром перезвонила Аллочке, чтобы узнать, как все прошло, но та не ответила. Почему Аглая звонила ей так рано? Просто что-то тревожно было на душе. Вот и позвонила, пока шла на работу, чтобы услышать, как Алка хоть что-то буркнет в трубку спросонок. Потом, на работе, было уже не до звонков. А вечером, когда Алла не ответила на очередной вызов, она, Аглая, пыталась заявить о пропаже подружки в полицию, но заявление не приняли, сказали, что рано его подавать.

– Аглая... А почему вы, не дождавшись от нее ответа по телефону, не поехали к ней домой, а вместо этого сразу кинулись в полицию? – спросил вдруг следователь.

– Я? – Тут Аглая смешалась. Да, всего сразу не учтешь, не продумаешь. А выглядит все со стороны действительно так, как будто она уже о чем-то если не знала, то догадывалась. – Даже не знаю, что вам сказать. Дома она бы мне на телефонный звонок ответила, так? Телефон-то не был отключен. Да и тревога у меня какая-то была с самого утра еще.

– И что, для этой тревоги у вас есть какие-то основания? Вашей подружке кто-то пытался угрожать?

– Домогался ее хомяк один, – решила на полуправду Аглая. – В годах уже, тучный, очень респектабельный на вид, но неприятный. Из богатых, даже личный шофер имеется. Но не спрашивайте, кто он, я не знаю. Я его только видела

пару раз мельком, со стороны. Алка называла его Борисом. А еще она мне рассказала накануне, что недавно они здорово поругались на почве его притязаний. Характер у нее, я вам уже говорила...

– Да, помню, – кивнул Михайлов.

– Так вот, Алка не придавала этому скандалу большого значения, а у меня, как только я о нем узнала, какой-то холодок в душе пробежал. Что она могла наговорить этому субъекту в пылу ссоры? Зная ее нрав, могу предположить, что очень многое. А он не произвел на меня впечатления человека, способного по божьим заповедям подставить вторую щеку. Было в нем что-то... ну очень недоброе.

И даже хуже того, подумалось Аглае, как только она вспомнила Бориса, вышедшего после трагедии к дверям позлорадствовать над Аллочкой. Она не видела его лица в темноте, но голос – голос выдал все.

– Есть ли у него большая собака, мне неизвестно, – предвосхищая следующий вопрос, сказала Аглая. – И описать вам его во всех деталях я вряд ли смогу, хотя, если нужно, попытаюсь это сделать.

– Нет, пока не нужно. Больше у вас никаких версий нет? Ничего не хотите добавить?

– Не знаю. Не сейчас. Надо подумать, может, что и вспомню. – Аглая одним глотком допила оставшийся сок. Посмотрела на следователя. – Мне, наверное, надо ее опознать? А может, это все-таки какая-то ошибка? – добавила она с на-

деждой. Совершенно искренне. Потому что, хоть и знала всю правду, а все еще оставалась в душе какая-то крохотная вера в возможное чудо.

Следователь покачал головой:

– Ошибки, к сожалению, нет. А в опознании нет необходимости. Для вас, я думаю, это стало бы страшным испытанием, но, к счастью, в ее сумочке нашлись документы. Личность ее по ним установили. Да и отпечатки пальцев Аллы Георгиевны имелись в нашей картотеке. Нам сейчас гораздо важнее установить ее контакты. Я начал с вас. Не только потому, что вы ей звонили – там были и другие неотвеченные звонки, – а еще и потому, что среди документов у нее нашли фотографию, где вы вместе в обнимку. Сопоставив ваше лицо на фото с изображением, установленным в телефоне на абонента, я пришел к выводу, что вы были в хороших отношениях. И теперь вижу, что не ошибся.

– Не ошиблись. – Аглая опустила голову, крепко стиснув обеими руками стакан. Слезы снова потекли по щекам.

– Аглая... вот. – Следователь положил перед ней на стол карточку. – Если вспомните что-то важное прежде, чем мы с вами снова увидимся, звоните мне, хорошо?... Может, вас проводить?

– Не надо, – в очередной раз всхлипнув, она мотнула головой. – Хочу пройтись одна.

Пройтись Аглая действительно хотела по празднично

освещенной набережной, где, заглушая мерный рокот моря, звучала музыка и гуляли веселые компании. Атмосфера летнего вечера с его томной праздностью могла успокоить натянутые Аглаины нервы. Потом, она понимала это, надо будет позвонить шефу и договориться с ним о встрече, чтобы рассказать ему, что все пошло не так, как они ожидали. Но не прошла Аглая и половины пути, как шеф позвонил ей сам.

– Ты сейчас где? – спросил он. – Нам надо поговорить.

Аглая сказала ему, куда подъехать, после чего свернула с набережной на сосновую аллею. Тут народа было поменьше – в основном сидели парочки на скамейках. Аглая торопливо прошла мимо них, полуприкрытых пушистыми пицундскими соснами, свернула на тропинку и перепрыгнула через выложенное плиткой русло небольшого ручейка, желая срезать путь. Но шеф уже ждал ее, стоя возле машины с потушенными фарами.

– Здравствуйте, – кивнула ему Аглая. – Хотелось бы сказать «добрый вечер», да только не добрый он нисколечко.

– Это точно, – сказал шеф. – Садись в машину, – и первый, подавая ей пример, вернулся в салон. А как только Аглая заняла место рядом с ним, сразу приступил к делу: – Алку сегодня нашли.

– Вы-то откуда знаете? – спросила Аглая.

– Есть свои источники, – отмахнулся шеф. – А для тебя это, похоже, тоже не новость?

– Не новость, – подтвердила Аглая. – А вот для вас у меня

новостей целая куча. Если бы вы не позвонили, я бы сама это сделала, только чуть позже. Ко мне на работу сегодня следователь приходил.

– Вот черт! – выругался шеф. – Я как раз хотел обсудить с тобой, что ты будешь ему рассказывать. Опоздал. И что ты ему там наговорила?

– Это как раз не самое главное, – заявила Аглая. – Куда важнее то, что я узнала от него. Им известно, что Аллочку на пустырь привезли уже после смерти, пытаюсь обставить все как несчастный случай.

– Откуда известно? Уж не от тебя ли? – Вскинув голову, шеф с подозрением уставился на Аглаю. Но ее его пристальный взгляд не смутил.

– Да вы столько ляпов, оказывается, наделали, что, надумай я все разболтать, меня бы уже и слушать не стали: незачем, – напустилась она на шефа. – Во-первых, машина. Могу вас обрадовать, у них есть отпечатки шин. Во-вторых, какой дурак Аллочку переодевал? Вы же ей лифчик умудрились надеть наизнанку! В-третьих, по не пострадавшей и почти не испачканной одежде они и без меня разобрались, что Аллочку после смерти переодели. В-четвертых, на пустыре вокруг нее не было ни кровинки, в то время как должно было быть... сами помните. В-пятых, опять же по отсутствию крови было установлено, что рану на виске Аллочка тоже получила посмертно. А в-шестых, по оставленным на теле следам от зубов было сразу установлено, что ее атаковала никакая

не стая, а одна большая собака. И она не потрудилась оставить после себя никаких следов возле тела, в то время как какие-то мужики вокруг натоптали, не поленились. Этого вам хватит? Потому что, может, и еще что-то есть, да только я упустила из вида. А вообще вы следователю для его полного счастья забыли только свою визитную карточку на пустыре уронить.

– Отпечатки шин, говоришь? Завтра же колеса сменю.

– Только эти спрячьте где-нибудь, а не пытайтесь продать, – посоветовала Аглая. – А то такая экономия может слишком дорого обойтись.

– Не держи меня за дурака, – огрызнулся шеф.

– Речь не о глупости, а о жадности, чем вы грешны, сами знаете. А между тем раскошелиться теперь придется не только на колеса.

– Ты что, уж не шантажировать ли меня собираешься?! – воззрился он на нее.

– Можно сказать и так. Но я бы сказала, воззвать к вашей порядочности. Сколько бы Аллочку ни продержали в морге, а когда-то ее тело все-таки отдадут. И тогда ее нужно будет достойно похоронить. Кроме меня, у нее никого больше нет, так что я ее и заберу. А вот бремя расходов на похороны собираюсь возложить на вас. Надеюсь, вы не возражаете?

Шеф возражал в душе, по его лицу это было очень даже заметно. Но вслух произнес:

– Подумаю. Что-нибудь решим.

– И на том спасибо, – кивнула Аглая.

6

Аллочку похоронили через два дня. Деньги шеф дал. Как позже узнала Аглая, скинулись также и доктор, и Гена, и Эдик с Русланом. Но вот на похороны из всей этой компании никто, кроме Гены, не пришел. Он появился в морге, когда уже собирались выносить закрытый гроб, слишком долго Аллочка пролежала под летним южным солнцем. Молча кивнул Аглае, закутанной в черный шелковый палантин. И так же молча после короткого прощания встал у гроба, взявшись за одну из ручек. Если бы не он, Аглае, наверное, пришлось бы тоже нести гроб – из большого круга Аллочкиных знакомых она мало кому смогла дозвониться, так что пришли на похороны всего несколько человек. Малочисленность провожающих была очень заметна в большом прощальном зале морга. Но – что поделаешь! – из тех, чьи номера Аглая умудрилась добыть, кто-то не смог, кто-то не посчитал нужным прийти, а кто-то, похоже, просто не поверил в случившееся. Трудно поверить в то, что Аллочка, олицетворение жизни, ушла из нее в самом расцвете лет. Аглае до сих пор в это не верилось до конца. И любимого Аллочкиного мужчину пришлось в этом убеждать. Он пришел, выкроил время. Тоже нес гроб и бросил горсть земли в свежую могилу, ничем не выдавая своих чувств. А потом ушел с кладби-

ща, не поехав на поминки. Поминки Аглая устроила в своем кафе. Все волновалась, что нескольких заказанных столиков может не хватить, но их хватило с лихвой, так что на свободные места Аглая пригласила своих коллег, они тоже знали Аллочку, которая нередко заходила сюда. Но постепенно все гости разошлись, и к вечеру за последним столиком остались только Гена с Аглаей.

– Вот и проводили мы Алку, – вздохнул он, за весь день едва проронивший несколько слов. – Жаль. Какая была девчонка! И как все нелепо вышло...

– Не трави душу, – вздохнула Аглая. – Я и без того не знаю, как у меня получилось пережить сегодняшний день.

Ничего не отвечая, Гена снова наполнил стопки. Выпили. Закусили. Помолчали. Не глядя друг на друга, но с полным осознанием того, что каждый из них прекрасно понимает другого.

– Хорошая ты девчонка, Айка, – сказал вдруг Гена. – Ты не подумай, я без всякой задней мысли это говорю. Просто хорошая. И если, мало ли, когда-нибудь тебе вдруг потребуются помощь, ты обращайся. Всем, чем смогу, помогу.

– Спасибо, – сказала Аглая. И, кинув на Гену быстрый взгляд, вдруг призналась: – Ты тоже, оказывается, гораздо лучше, чем я тебя представляла еще недавно. Даже побаивалась тебя, если честно.

– Ну, на то я и охранник, чтобы выглядеть устрашающе, – усмехнулся Геннадий.

– Да уж... – Аглая посмотрела на его большие грубые руки, лежащие на столе, и вдруг с пьяной решимостью спросила: – А правду говорят, что ты в тюрьме сидел?

– Правду, – ответил он, несколько обескураженный неожиданностью вопроса. – А что?

– Да нет, ничего. – Аглае стало неловко, и она взялась за графин, в котором еще плескалась прозрачная водка. – Прости за бестактность.

– Ну, за это-то! – Гена повел могучими плечами, снова усмехнулся. – Поверь, в жизни есть вещи куда похуже.

– Есть, – согласилась Аглая, нахмурившись. – И все же, прости еще раз. Чего спьяну не ляпнешь.

– Айка, я всегда предпочитал искренних говорунов двуликим молчунам.

– Почему двуликим? – удивилась Аглая.

– Да потому что молчаливый человек частенько хочет выглядеть совсем не таким, каков он на самом деле. Вот взять хотя бы сейчас тебя, например. По виду – само раскаяние в своей несдержанности. Но готов побиться об заклад, что при этом тебе очень даже хочется спросить, а за что именно я сидел.

– Ну, и за что же? – не стала отпираться Аглая.

– А если скажу, не сбежишь в панике из-за стола?

– За убийство, что ли? – догадалась Аглая.

Гена лишь кивнул в ответ, отобрав у нее инициативу и разливая по стопкам остатки водки.

– И... кого же ты? – не удержалась Аглая от очередного вопроса.

– Выродка, – коротко, но с чувством ответил Гена. – Старая история, Айка. И очень дрянная. Мне совсем не хочется ее вспоминать. И так не забывается, хоть с той поры девять лет минуло: семь отсидел, а два на свободе гуляю.

– Семь лет? Это за убийство? Я думала, за это больше дают, – с пьяной откровенностью удивилась Аглая.

– Может, и этого бы не дали, потому что с доказательствами было хило. – Гена не обиделся, угадав в Аглаином вопросе не любопытство, а искренний интерес к себе. – Но я оказался меж двух огней. Папаша того выродка, которого еще при рождении следовало придушить, настаивал, чтоб мне дали по полной, и даже пользовался для этого своими связями, какие-то рычаги нажимал. Но следователь мне попался честный мужик и не купился на посулы с угрозами, а все сделал для того, чтобы я получил минимальный срок. Вот в итоге и вышло среднее арифметическое. Как я потом слышал, следователь за это поплатился, его в звании понизили, но пересматривать мое дело не стали, оставили все как есть. Быть может, потому что доказательств и в самом деле было кот наплакал, всего парочка косвенных зацепок. А вообще, скажу я тебе, Айка, нет в этом мире справедливости. Ни хрена нет! Один сплошной бордель.

– Ладно, Ген, не заводись. – Аглая успокаивающе похлопала его по руке. – Бордель, согласна. Но нам с тобой в нем

еще жить и жить.

– Да кто его знает, долго ли? – пожал плечами Гена. – Алка вон... уже отмучилась.

– Можно сказать и так, – при упоминании о подруге Аглая судорожно вздохнула. – Аллочка наша, Аллочка.

– Не надо, Айка, успокойся. – Гена наклонился к ней через стол. – Хочешь, я еще чего-нибудь закажу?

– Нет, хватит. – Аглая покачала головой, отставила пустой графин в сторону. – Поздно уже. Мне пора домой.

– Тебя там ждут?

– Ждут. Брат. Еще одна жертва этого вселенского борделя, – почему-то Аглае вдруг очень захотелось рассказать Гене, что случилось с ее Ромкой несколько лет назад, но вместо этого она решительно поднялась из-за стола. Слегка пошатнулась, придержалась рукой за спинку стула. – Да, вовремя мы с тобой прервали застолье... Пожалуй, стоило даже чуть раньше закончить.

– Я провожу тебя, Айка. – Гена тоже поднялся. – До подъезда, хорошо?

– Ну, разве что до подъезда, – согласилась Аглая. – Ты уж извини заранее, но в гости я тебя пригласить сегодня не могу.

Да, если бы она явилась домой нетрезвой, снова поздно и на этот раз еще и с приятелем, Ромка вряд ли воспринял бы это спокойно. Может, и не выразил бы своего недовольства вслух, но Аглая уже знала, что вскипел бы в душе, и пусть не сейчас, а позже высказал бы все, а еще хуже – промолчал,

но продемонстрировал бы все, что накопело, своим поведением: напиваясь, отмалчиваясь, срываясь по пустякам. Для Аглаи это было хуже любого скандала. А что-либо объяснять или доказывать Ромке бесполезно, она знала это по богатому личному опыту. Оставалось лишь запастись терпением и ждать, пока минует гроза. Оттого-то Аглая и старалась не создавать прецедентов.

– Как скажешь, Айка, – ответил ей Гена. – Я, в общем, и сам уже настроен идти не по гостям, а домой. Хочу только убедиться в том, что ты благополучно добралась, да еще проветриться немного перед сном.

На том и порешили. Вышли из кафе. Гена, в отличие от Аглаи твердо стоявший на ногах, поддерживал ее под руку. А она (сказывалось, наверное, напряжение прошедших дней) при почти ясной голове с трудом держалась прямо. Кружило. И неизвестно, как добралась бы домой, если б не Генина помощь. А так... Они неторопливо шли по набережной. Теплый ветер, периодически налетавший с моря, приятно освежал разгоряченные застольем лица. Вокруг беззаботно смеялись люди, популярные мелодии сменяли одна другую – в зависимости от того, мимо какого бара или танцплощадки проходили Гена с Аглаей. Над бухтой поднималась луна, огромная, оранжевая, какой она бывает только летней ночью, и сияющая дорожка протянулась от нее по черной воде от горизонта до самого берега. Потом кто-то разбил эту огненную дорожку, дурачась на водном мотоцикле. Судя по воз-

мушненным крикам с берега и с пирса, это не понравилось многим романтично настроенным зрителям. Аглае тоже, хотя без Гениной помощи она вряд ли смогла бы вообще оценить эту красоту. Он шел рядом, непоколебимый, как скала, и его рука была для Аглаи надежной опорой, которая давала возможность не только уверенно идти вперед, но еще и оглядываться по сторонам. А он почти всю дорогу молчал. Аглая в этот вечер была не настроена на активное общение, и Гена это почувствовал. За это она испытывала к нему двойную благодарность, и ей с ним было очень уютно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.